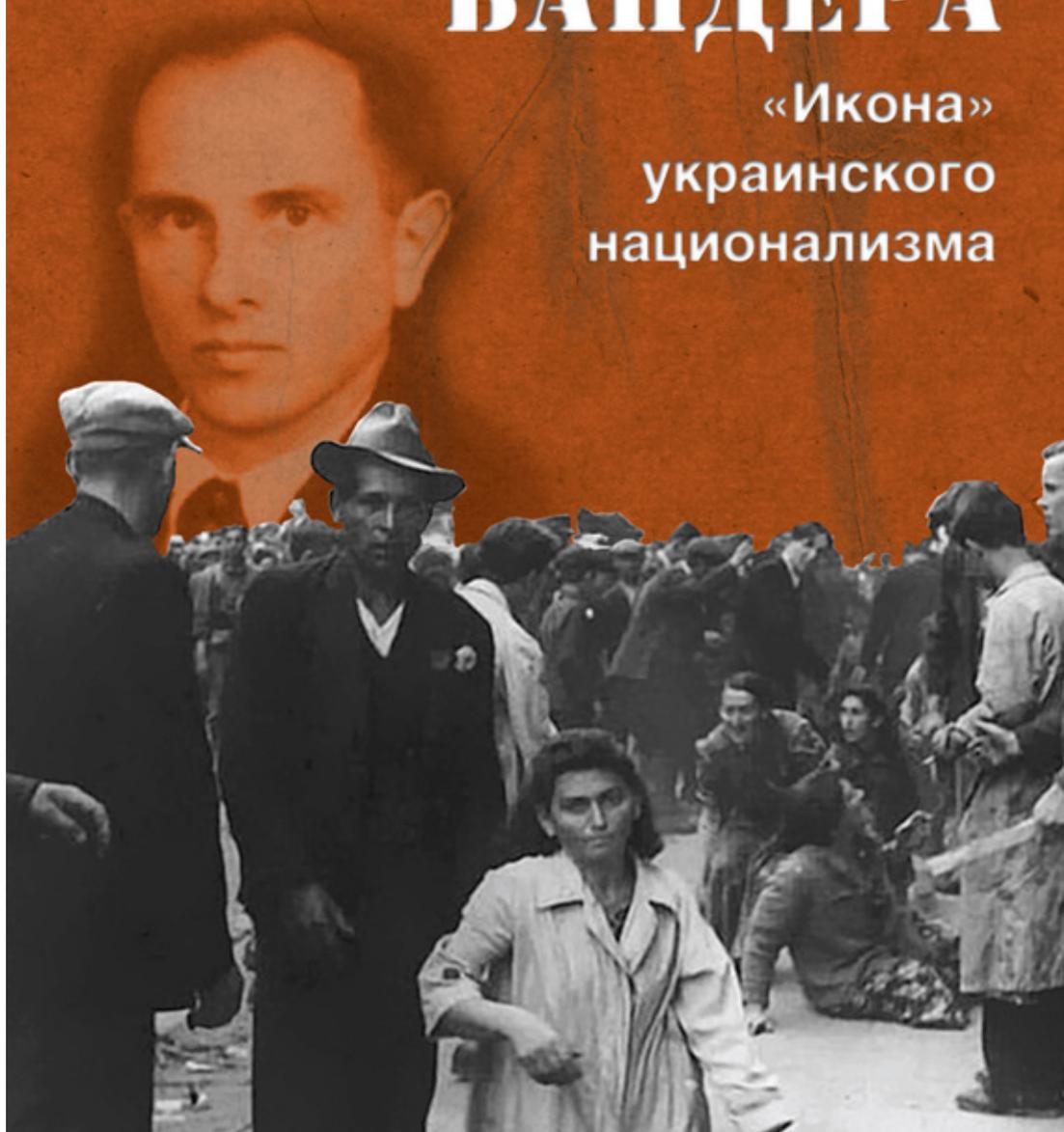

**ВОЕННЫЙ
АРХИВ**

Олег
СМЫСЛОВ

СТЕПАН БАНДЕРА

«Икона»
украинского
национализма

Олег Сергеевич Смыслов
Степан Бандера. «Икона»
украинского национализма
Серия «Военный архив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17128993
Степан Бандера. «Икона» украинского национализма / Смыслов О.С.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-8003-8

Аннотация

Эта книга рассказывает о жизни, борьбе и смерти вождя украинских националистов и яркого врага России Степана Бандеры. Кем был человек, которого сначала сделали Героем Украины, а потом лишили этого звания? Был ли он борцом или обыкновенным преступником? На эти и другие вопросы отвечает в своей новой работе Олег Смыслов.

Книга также издавалась под названием «Степан Бандера и борьба ОУН».

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

О.С. СМЫСЛОВ
Степан Бандера. «Икона»
украинского национализма

Книга издана в авторской редакции

От автора

Эта книга написана прежде всего для тех, кто практически ничего не знает о Степане Бандере, Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА).

Но хочу лишь подчеркнуть: про Степана Бандеру невозможно было писать в отрыве от борьбы ОУН, так как в таком случае его биография как лидера этой организации будет слишком краткой и не особенно содержательной. Иначе, что можно рассказать про человека, который из 50 прожитых лет только первую половину своей жизни провёл на исторической родине, а всё остальное время вдали от неё? Да и жизнь его была почти всегда жизнью конспиративной или изолированной от общества. Кроме того, не оставил он и полного собрания сочинений ввиду отсутствия такового. Написанная же им автобиография совершенно далека от обычных воспоминаний.

Источники, которыми я пользовался, при желании общедоступны, но в том-то и заключалась вся трудность работы, чтобы, отталкиваясь от двух сторон аргументов, не поскользнуться на заведомой лжи. Последняя, что не удивительно, сегодня встречается весьма часто.

Как бы то ни было, но лично мне хотелось написать эту книгу максимально объективной, учитывая прежде всего политический аспект этой темы. Это одна из самых дразнящих сегодня тем, вновь разделяющих украинское государство, потому что вокруг противоречивой личности Бандеры то и дело возникают скандалы и конфликты.

Глава 1

Университеты

Не зря говорят, что каждая историческая эпоха рождает своих героев! История Украины в этом плане показательна. Там никогда не было ни королей, ни монархов, ни царей.

Но там были и есть свои герои. Одних выбирает время, а других со временем власть.

Все мы помним Нестора Махно. Пусть не всё знаем про него, но имя очень и очень известное, хотя бы по литературе, по истории, по художественным фильмам.

Нестор Махно в своё время был подлинным символом народного движения Юга России и Украины. Долгое время его отряды (повстанцев), воюя и с красными, и с белыми, и с петлюровцами, и с интервентами, не просто успешно сопротивлялись, но и одерживали победы. Его движение, которое называют не иначе как «махновщиной», за десятилетия обросло и преданиями, и фольклором. А уж на родине бывшего атамана – на Левобережной Украине – и вовсе на века осталось в памяти народной.

Скончался Нестор Иванович в больнице для неимущих в Париже 25 июля 1934 года.

Удивительно то, что тогда место на кладбище было оплачено анархистами сроком на 50 лет, а в 1984 году неизвестный человек оплатил место ещё на 50 лет, до 2034 года.

Почему сегодня Нестор Иванович Махно не герой Украины?

Все мы помним Симона Петлюру – семинариста из Полтавы, который наследовал романтический образ «вольного казачества» и «казацкой Украины», сформированный в литературе ещё Шевченко и Гоголем. В своё время он продолжил процесс создания украинской нации. Считается, что, даже потерпев поражение, Петлюра благодаря своей борьбе, в сущности, предопределил эволюцию советской власти в Украине. Той пришлось в итоге отказаться и от политики русификации и непризнания Украины. И наоборот, перейти к украинизации, к развитию украинской культуры, к закреплению государственного понятия «Украина». 25 мая 1926 года в дешёвом ресторанчике его убил Самуил Шварцбард из восьмизарядного «Мелиора» калибра 7,3 мм. Прах Петлюры покоится на самом маленьком, но престижном кладбище в Париже – Монпарнас.

Почему сегодня Симон Петлюра не герой Украины?

Этот список можно было бы продолжить ещё, но коли речь в этой книге пойдёт о «подлинном герое» Украины, то нам следует повернуть голову в сторону Западной Украины, в Ивано-Франковскую область. Там в селе Старый Угринов Каушского повета в Галичине, которая до конца октября 1918 года входила в состав Австро-Венгерской империи родился Степан Андреевич Бандера – 1 января 1909 года. В переводе на современный язык, как говорят специалисты, «бандера» означает «знамя»...

Отец Степана – Андрей Бандера был грекокатолическим священником в том же селе и происходил из Стрыя, где родился в семье мещан-хлеборобов Михаила и Розалии Бандер (Белецкая её девичья фамилия). К слову, «мещанами-хлеборобами» считались люди, которые жили в небольшом городе и имели на его окраине кусок земли, на котором выращивали сельскохозяйственные культуры.

Мать, Мирослава, была дочерью священника из Старого Угринова – Владимира Глодзинского и Екатерины (Кушлык её девичья фамилия). Именно отец Степана Бандеры сменил тестя в Старом Угранове.

В семье, кроме Степана (второй ребёнок), было шестеро детей: три сестры (Марта-Мария, Владимира, Оксана) и три брата (Александр, Василий, Богдан).

Собственного дома у них не было, поэтому они жили в так называемом служебном доме.

Глава семьи окончил богословский факультет Львовского университета. Имел большую библиотеку. Частыми гостями в его доме были интеллигенция, общественные деятели и деловые люди. Среди таковых обычно называют скульптора М. Гаврилко, депутата австро-венгерского парламента Я. Веселовского и предпринимателя П. Глодзинского. Например, Глодзинский был одним из основателей украинских организаций «Маслосоюз» и «Сільський господар».

По воспоминаниям самого Степана Бандеры, рос он в доме, в котором царила атмосфера украинского патриотизма, живых национально-культурных, политических и общественных интересов.

Андрей Михайлович Бандера, по мнению сына, активно участвовал в освободительной борьбе. Во время украинско-польской борьбы служил военным капелланом в украинской Галицкой армии, был членом Украинской национальной рады в Станиславе.

Из истории известно, что Первая мировая война разделила украинский народ на две противоборствующие стороны. И если всё население и все украинские партии Левобережной Украины (кроме большевиков) поддержали русского царя и его правительство (поддержали войну против Германии и Австро-Венгрии и часть Социал-демократической партии во главе с Петлюрой), то одновременно в Вене созданный там «Союз освобождения Украины», призвал всех людей украинской национальности к войне против России. А через несколько лет после отречения царя к власти придёт Временное правительство. Именно оно будет вынуждено признать Центральную раду высшей властью Временного правительства в Украине. Рада осудит Октябрьскую революцию в Петрограде и захват власти большевиками. И в ответ провозгласит Украинскую Народную Республику. Однако это будет не вся Украина. В сельскохозяйственных регионах власть принадлежала Центральной раде, а в промышленных – Советам большевиков (1-й Всеукраинский съезд Советов в Харькове в декабре 1917 года провозгласил образование Украинской Советской Республики).

Когда во время брест-литовских переговоров молодой Советской республики туда по приглашению немцев приехала делегация Центральной рады, то Германия признала её власть легитимной, а Украину – самостоятельным государством. Германия и Австро-Венгрия пообещали Раде военную помощь в обмен на поставку миллиона тонн зерна, а также большого объёма другой сельхозпродукции. При этом немцы и австрийцы ввели на территорию только что признанной «независимой и суверенной» Украины свои войска. Но уже через два месяца после переговоров в Брест-Литовске Рада была низложена, потому что она не смогла обеспечить обещанные поставки продукции тем, кто недавно признал её легитимность.

Вместо Рады немцы выдвинули правительство гетмана Скоропадского. Но его политика была изначально обречена отсутствием поддержки в Украине. Вспыхнувшая революция в Германии помогла оккупантам начать вывод своих войск, и тогда в Украине появляется новый верховный орган – Директория во главе с Петлюрой, хоть и продержавшаяся у власти меньше двух месяцев, но всё же возглавившая борьбу с гетманом Скоропадским.

В феврале 1919 года правительство Директории бежит из Киева, а туда входят части Красной Армии.

Провозглашённая в 1918 году Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР) существовала всего восемь месяцев, успев только установить связи с Украинской Народной Республикой и заключить предварительный договор о воссоединении.

Благодаря победившей революции в Германии и Австро-Венгрии Западной Украине удалось избавиться от господства этих государств. Однако, даже имея сильную Украинскую галицийскую армию, ЗУНР не смогла устоять перед гораздо более мощными и хорошо обученными польскими войсками. И, таким образом, снова оказалась раздробленной на части.

Западная Украина находилась под Польшей, Закарпатская Украина – под властью Чехословакии, а Буковина продолжала оставаться в составе Румынии.

В Первую мировую фронт четырежды проходил через село семьи Бандер. Дом частично был даже разрушен. Потом Гражданская война. Снова смерти, горе и страдания... Белые, красные, петлюровцы, махновцы – все воевали против всех. Потом была неудачная война Советской России с Польшей, когда в 1920 году она была вынуждена уступить последней по её требованию Волынь, Полесье и некоторые другие регионы северо-западных земель.

Вот и отец Степана Бандеры служил в Украинской галицкой армии. Воевал с белыми и красными на Надднепрянщине, возвратившись в Галичину только летом 1920 года. Семья же священника-капеллана лихолетье пережила в Ягольницах, близ Черткова. И только после прихода поляков в сентябре 1919 года она вернулась в Старый Угринов.

Известно, что начальное образование Степан Бандера получал дома, от отца и от приходивших на дом учительниц. Проблема заключалась в том, что, с детства страдающий ревматизмом суставов, Степан длительное время лежал в больнице.

Осенью 1919 года он поступает в украинскую гимназию классического типа в Стрые, обучение в которой проходило под строгим надзором польских властей (в 1920 году Западная Украина была оккупирована Польшей, а в 1925 году гимназия стала польской).

Уже начиная с четвёртого класса, Степан зарабатывал средства на собственные расходы, давая уроки младшим ученикам. Жил он в доме своего деда и с третьего класса состоял в «Пласте» – организации украинских скаутов. В четвёртом классе Бандера вступил в подпольную организацию школьников средних классов, которая была тесно связана с Украинской военной организацией.

«Пласт» – это национальная скаутская организация Украины или украинское скаутское движение, возникшее в 1911 году на территории Украины, находящейся тогда в составе Австро-Венгрии. 12 апреля 1912 года во Львове состоялось первое принятие пластовой присяги (день рождения «Пласта»). Приветствие – СКОБ! (Сильно, Красиво, Осторожно, Быстро.) Деятельность пластунов основывалась на трёх пробах.

В первой было необходимо выучить основы организации, приобрести форму пластуна, пройти первый лагерь. Во второй – углубить полученные раньше знания и приобрести новые, хорошо показать себя и подготовить несколько самостоятельных гутирок (лекций).

В третьей – провести девять самостоятельных проектов: лагеря, акции в городе, социальная работа и т. д.

В гимназии хотя и было заложено в учебную программу обязательное украинское национальное содержание, всё-таки главное национально-патриотическое воспитание гимназисты получали в школьных молодёжных организациях: как легальных, так и нелегальных кружках. Например, там занимались сбором средств для поддержки украинских периодических изданий и бойкотом мероприятий польских властей.

К слову сказать, в гимназии преподавали греческий и латинский языки, историю, литературу, психологию, логику и философию. В общем, давали неплохое образование.

Весной 1922 года от туберкулёза умирает мать Степана. Огромное потрясение для всей семьи в каких-то происходивших там разговорах связывало эту смерть непременно с оккупацией Галичины. Ведь тогда же украинское большинство Восточной Галичины отказывалось признать законность польских властей над собой. В 1921 году бойкоту подвергалась перепись населения, не говоря уже про выборы в польский сейм в год смерти матери Степана.

Сам Степан состоял членом 5-го Куреня украинских пластунов (скаутов), а в 1927 году, успешно сдав экзамены на аттестат зрелости, перешёл в Курень старших пластунов «Червона Калина».

После окончания гимназии Степан Бандера собирался поступать в Украинскую хозяйственную академию в Подебрадах (Чехословакия), но по каким-то причинам не смог получить паспорт для выезда за границу. Вернувшись к отцу, он «занимался хозяйством и культурно-просветительской деятельностью в родном селе (работал в читальне «Просвіта», руководил театрално-аматорским кружком и хором, основал спортивное товарищество «Луг», участвовал в подпольной организации кооператива). При этом проводил организационно-воспитательную работу по линии подпольной УВО в соседних сёлах».

«Просвіта» – первая организация с таким названием возникла 8 декабря 1868 года во Львове, когда народовец А. Вахнянин собрал 60 местных студентов и создал «организацию для изучения и просвещения народа».

В Галичине, где власти Польши проводили политику ликвидации украинства, украинские школы закрывались, а вместо них открывались частные, например, на деньги униатского митрополита Шептицкого. По донесениям польской полиции, почти все активисты «Просвіты» одновременно являлись членами украинских национальных партий. В общем, её деятельность губила обыкновенная политизация.

В 1928 году Степан Бандера переезжает во Львов, где поступает на агрономическое отделение Высшей политехнической школы. Известно, что с осени 1928 года до середины 1930 года он жил в Дублянах, где было отделение Львовской политехники. На каникулы ездил в село к отцу.

Именно во Львове и началась новая жизнь девятнадцатилетнего Степана Бандеры, в старейшем учебном заведении Украины и Восточной Европы, в котором учился сам Симон Визенталь – общественный деятель и «охотник за нацизмом».

В 1929 году Бандера становится членом ОУН. По данным исследователей, с этого момента он руководил распространением подпольной литературы, которую печатали за пределами Польши («Пробуждение нации», «Сурма», «Националист»), а также подпольно издаваемые в Галичине («Бюллетень Краевой Эзекутивы ОУН на ЗУЗ», «Юноша»).

Распространение подпольной националистической литературы стало его первым поручением. Считается, что оно выявило «выдающиеся организаторские способности» Бандеры в деле нелегальной доставки через границу печатных изданий и их тайным распространением среди населения.

Сам Бандера в своей автобиографии напишет: «Членом УВО (Украинской военной организации. – *Примеч. автора*) я стал формально в 1928 г., получив назначение в разведывательный отдел, а потом – отдел пропаганды. Одновременно я входил в студенческую группу украинской националистической молодёжи, тесно связанную с УВО. Когда в начале 1929 г. возникла ОУН – Организация украинских националистов, – я сразу же стал её членом».

Основу УВО составили бывшие офицеры армии Украинской Народной Республики (УНР) и Украинской галицкой армии (УГА). Годом основания этой организации следует считать 1920 год (место основания – город Прага). На 1922 год в УВО состояли около двух тысяч человек.

Как подчёркивает А. Гогун, «все члены УВО были профессионалами, имевшими за плечами опыт боевых действий, а также все они были ярыми сторонниками независимости Украины, за которую проливали кровь в годы Гражданской войны. Руководил организацией полковник армии УНР Евгений Коновалец. В Западной Украине отделение УВО возглавлял полковник Андрей Мельник».

УВО вела пропаганду идеи независимой Украины, но основной упор делала на террористическую деятельность, которая считалась к тому же лучшим средством пропаганды.

Предпринимались попытки поднять восстание на территории советской Украины, туда осуществлялись рейды и вылазки.

Самой известной террористической акцией украинских националистов стало покушение 25 сентября 1921 г. на первого Президента Польши Юзефа Пилсудского.

После этого покушения польские власти начали активную борьбу с УВО. В результате организацию покинули часть её членов, а руководящий орган УВО переместился в Германию. Выбор «страны обитания» был не случаен.

Ища союзников в своей антипольской и антисоветской деятельности, УВО ещё в 1921–1922 гг. установила связи с немецкой военной разведкой. Соглашение о сотрудничестве было взаимовыгодным. Представители УВО шпионили против Польши, которую ненавидели, да ещё и в обмен на информацию о своём враге получали деньги и возможность свободно действовать в Германии.

5 сентября 1924 г. боевики УВО предприняли неудачное покушение на Президента Польши Войцеховского, что вызвало новые меры со стороны властей. Пропагандистская и организационная работа на Западной Украине продолжалась, несмотря на активные репрессии...

В 1928 г. поляки получили доказательства связи УВО и немецких спецслужб, возмутились и выразили официальный дипломатический протест, из-за чего немецкое финансирование УВО прекратилось.

УВО не была единственной организацией, борющейся за независимость Украины радикальными методами. Но среди всех структур такого рода она была самой активной и мощной.

В январе – феврале 1929 г. на съезде националистических организаций, получившем название 1-й конгресс украинский националистов, УВО, вобравшую в себя менее значимые радикальные движения, переименовали в Организацию украинских националистов – ОУН. Старое название временно сохранили, и новая партия стала называться ОУН – УВО. В 1930 г. вторую часть аббревиатуры упразднили, причём сделали это отнюдь не случайно.

Изначально Коновалец планировал существование двух параллельных, но тесно связанных между собой организаций – ОУН и УВО. ОУН должна была выполнять политическую функцию, возможно, даже действовать легально. УВО же планировалось не грузить политическими проблемами, сосредоточив её деятельность только на терроре, разведке и подготовке кадров для будущей массовой вооружённой борьбы за независимую Украину.

В своё время так построили работу российские эсеры: депутаты от партии социалистов-революционеров заседали в Думе, а члены боевой организации эсеров (БО СР) устраивали террористические акты против представителей царской власти. Однако жизнь нарушила планы Коновальца. Молодёжь из Галиции, хлынувшая в ОУН, хотела действовать радикально, не ограничиваясь пропагандой и законодательной работой в сейме. Поэтому под давлением низов ОУН стала нелегальной террористической структурой, занимающейся, понятное дело, не только и не столько террором».

Создатель и руководитель ОУН Евгений Михайлович Коновалец родился 14 июня 1891 года в селе Зашков под Львовом. Его мать Катажина была полькой из рода Венгжиновских.

В 1909 году окончил Львовскую академическую гимназию и поступил на юридический факультет Львовского университета.

В 1912 году назначен секретарём львовского отделения организации «Просвгга».

В 1913 году был выбран в состав главного правления Украинского студенческого союза, где входил в национально-демократическую секцию. Стал членом молодёжной фракции украинской Национально-демократической партии. Познакомился с Д. Донцовым, чьи работы оказали на него большое влияние, как и на идеологию украинского национализма.

С началом Первой мировой войны Коновалец был мобилизован в австрийскую армию и служил в 19-м полку Краевой обороны Львова. В июне 1915 года в Карпатах попал в плен и до 1917 года содержался в лагерях для военнопленных под Царицыном.

В сентябре этого года бежал из лагеря и добравшись до Киева в октябре – ноябре этого года, совместно с членами Галицко-Буковинского комитета сформировал из бывших пленных галичан Галицко-Буковинский курень сечевых стрельцов в составе полка имени Дорошенко.

В первых числах марта 1918 года, когда сечевые стрельцы совместно с запорожцами (корпус) и казаками выбили из Киева части Красной Армии и заняли город, Евгению Коновальцу было присвоено звание «полковник».

Его полк, развёрнутый из куреня, считался одной из наиболее боеспособных частей армии Украинской Народной Республики. Он-то и охранял Центральную раду.

Когда в результате немецкой оккупации к власти в Украине пришёл гетман Скоропадский, то, соответственно, Центральная рада была разогнана, а сечевые стрельцы по требованию немцев разоружены и расформированы.

Только в конце августа 1918 года Коновалец получил от гетмана разрешение на формирование отдельного отряда сечевых стрельцов под Киевом (Белая Церковь) численностью до 900 человек. Однако, несмотря на услугу, оказанную Скоропадским Коновальцу, во вновь созданной части всё командование было настроено против гетмана.

Более того, уже в ноябре 1918 года на базе отряда сечевых стрельцов был развёрнут Осадный корпус численностью до 20 000 человек. В него вошли четыре полка и артиллерийская бригада. В итоге именно сечевые стрельцы поддержали Директорию УНР во главе с Симоном Петлюрой и разбили войска гетмана, который отрёкся от престола.

За эти заслуги Коновалец декретом Директории был произведён в атаманы.

В 1918–1919 гг. Коновалец командовал дивизией, корпусом и группой сечевых стрельцов и участвовал в боях против частей белых и красных. В декабре 1919 года в связи с принятым решением о расформировании регулярных частей армии УНР он отдал приказ о самороспуске частей сечевых стрельцов на польской территории. Затем был лагерь военнопленных под Луцком, где Коновалец провёл непродолжительное время.

Первым, к кому обращается Коновалец, стал сам Пилсудский. Евгений Михайлович просит его разрешить создать армию из украинских националистов Западной Украины и включить её в состав Войска Польского для борьбы против Красной Армии, а также против национально-освободительного движения западноукраинских трудящихся.

С той же самой просьбой он обращается к разведкам и генеральным штабам Литвы, Румынии и Великобритании. В итоге и была создана Украинская военная организация.

В сущности, УВО на момент зарождения представляла собой объединение всего лишь нескольких сот украинцев, проживающих на территории Польши, Чехословакии, Румынии, Австрии, Германии и других стран.

В решениях учредительного съезда УВО в Праге, состоявшегося в августе 1920 г., говорилось, «что организация стоит на принципах «полной соборности и независимости Украины», неудачу украинских «освободительных акций» рассматривает как следствие нестойкости, шатаний и отклонений от принципов соборности. Съезд обращался к воинству в эмиграции с призывом возвращаться на родные земли и там изыскивать новые формы «освободительной акции». Этим было положено начало организации диверсионного, шпионского и террористического характера, названной впоследствии УВО – ОУН», – пишет кандидат философских наук, доцент А.А. Войцеховский.

Фактически с 1921 года УВО стала штатной резидентурой немецкой военной разведки и ежемесячно финансировалась абвером.

Например, одно из первых специальных учебных заведений абвера, где готовилась агентура из числа украинских националистов, начало свою работу в Мюнхене в том же 1921 году. Второе было открыто через три года и, наконец, третье в 1928 году в Данциге (Гданьск). Тогда же в Берлине существовала специальная школа, которая готовила полицейских для

будущего оккупационного аппарата в Украине. Вместе с украинцами в ней учились и немцы, состоящие в фашистской партии.

В 1926 году штаб-квартира УВО разместились в Берлине. Отсюда шло управление филиалами в Польше, Чехословакии, Румынии, Литве, а позже в США и Канаде.

В 1928 году Коновалец посетил Канаду, где открыл очередной филиал УВО.

В 1931 году он встречается с Гитлером. Фюрер обещает ему всяческую помощь в обмен на активную деятельность против СССР и прекращение таковой против Польши.

«В январе 1934 года по приказу германского инспектора полиции Дильгена и полковника Райхенау берлинская центральная организация ОУН, руководимая самим Коновальцем, вливается в штат гестапо на правах особого отдела, – рассказывает А.А. Войцеховский. – В предместье Берлина Вильгельмсдорфе на средства немецкой разведки были построены казармы для украинских националистов и велось обучение сформированных по военному образцу отрядов. Они имели свою форму, были приравнены к гитлеровским штурмовым отрядам. Руководил ими Рико Ярый, он же Ярыга, Рымарт, он же Карпаты, ставший к тому времени офицером гестапо».

Что бы понять, как проводили свою деятельность в УВО, следует обратиться к тому же филиалу в Канаде.

Там украинские националисты, опирающиеся в своих печатных изданиях на пропаганду фашистских идей, а также воодушевлённые примером немецких штурмовиков, устраивали погромы украинских рабоче-фермерских организаций, уничтожали их дома и стреляли в дома антифашистов.

В другом филиале, в Аргентине, свою деятельность УВО начала с разгрома украинского прогрессивного клуба в Буэнос-Айресе.

Далее А.А. Войцеховский подчёркивает: «Тем временем Коновалец неотступно отрекается от каких бы то ни было демократических форм руководства своей организацией, превращается в диктатора, личное усмотрение которого выше каких бы то ни было коллегиально принятых решений. Прежде всего «положен под сукно» устав ОУН («Устрн»), принятый учредительным съездом (Першим великим збором) ОУН, обязавший проводить съезды этой организации каждые два года. Ни в каких съездах Коновалец, ставший «единоличным вождём партии» и марионеткой в руках абвера, не нуждался. Полной нелепостью было бы «вождю партии» и резиденту абвера отчитываться о проделанной работе перед подчинёнными и позволить им избирать «провод» ОУН. Вождь сам избирал своих приближённых и удалял негодных. В числе первых оказались бывшие соратники Коновальца по Осадному корпусу – Андрей Мельник, Роман Сушко, Емельян Сеник-Грибивский. Кстати, с Мельником его связывали не только служебные, но и родственные узы: жена Коновальца была сестрой Мельника. А вот бывшие члены Легии украинских националистов – в основном, надднепрянцы Кожевников, Костырев, Сциборский – были отстранены от руководства ОУН и обречены на нищенское существование. Дело в том, что Коновалец единолично распоряжался денежными средствами, получаемыми из казны Третьего рейха и довольно прямолинейно использовал эту возможность в целях упрочения своего положения в ОУН. Он был последней инстанцией, где рядовые оуновцы могли обжаловать принятые им решения. Обращение с жалобами в иные инстанции – в абвер, к чиновникам НСДАП – считалось в ОУН покушением на честь и достоинство их «провідника». Не допустимым считалось обращение с жалобами и к самому «провіднику». Бывший легист, киевлянин Гай Гаевский (настоящая фамилия – Жлудский) был изгнан из ОУН только за то, что осмелился написать «провіднику» письмо, в котором указывалось на нераспорядительность референта ОУН Мартынца, причинившего ущерб интересам ОУН во время выселения чешскими властями украинских националистов из страны в 1934 году. Заметим при этом, что Мартынец – бывший адъютант Коновальца в курене сечевых стрельцов.

Действуя подобным образом, Коновалец оставлял в рядах ОУН только тех, кто никогда и ни в чём не прекословил ему и умел держать язык за зубами, а на руководящую работу брал лично преданных ему людей, среди которых появлялось всё больше авантюристов, непригодных к исполнению возложенных на них функций. Созданное таким путём «единство рядов ОУН» разрушалось изнутри его же «вождём», уверовавшим в свою непогрешимость и незаменимость».

А теперь коротко о Мельнике. Андрей Мельник родился 12 декабря 1890 года (Воля Якубова, Дрогобычский уезд, Австро-Венгрия).

С 1914-го по 1916 год командовал сотней Легиона сечевых стрельцов. В 1916 году попал в плен, где находился под Царицыном. Вместе с Коновальцем бежал и прибыл в Киев.

В январе 1918 года вместе с Коновальцем организовал Курень сечевых стрельцов, став начальником штаба куреня, а после формирования полка – начальником штаба полка.

19 декабря 1918 года Мельнику присвоено звание атамана УНР. Весной – летом 1919 года воевал в должности начальника штаба действующей армии. В июле – августе 1919 года – помощник коменданта группы сечевых стрельцов, затем был интернирован поляками в Ровно.

В 1920–1921 годах – инспектор военных миссий УНР в Праге.

С 1922 года снова в Галиции, где занимается подпольной деятельностью. В апреле 1924 года арестован польской полицией и приговорён к 4-летнему заключению. В 1932–1938 годах – член правления издательского союза «Дело», в 1933–1938 годах – председатель Главного совета Католической ассоциации украинской молодёжи «Орлы», член Общества украинских боевиков «Молода громада». С 1934 года – член сенатора УВО и председатель сената ОУН. После разгрома сети УВО – ОУН в Галиции арестован не был и находился на службе у митрополита Андрея Шептицкого – был управляющим принадлежащих Украинской грекокатолической церкви лесами.

А что же юный оуновец Степан Бандера?

В 1931 году, когда погибает сотник Ю. Головинский, которого Коновалец отправил в Западную Украину с целью объединения ОУН и УВО, на его место назначается Степан Охримович. Фактически он становится краевым проводником ОУН на украинских землях, оккупированных Польшей. Степан был старше Бандеры на четыре года, знал его ещё со времени учёбы в гимназии. Видимо, поэтому и ввёл его в состав Краевой экзекутивы (исполнительного органа) ОУН. С этого момента 22-летний Бандера стал референтом отдела пропаганды и связей с границей ОУН в Западной Украине.

По мнению современных историков, «Степан Бандера действительно поднял пропагандистское дело ОУН на высокий уровень. Он положил в основу пропагандистской деятельности ОУН необходимость распространения идей ОУН не только среди украинской интеллигенции, студенческой молодёжи, но и среди наиболее широких масс украинского народа.

Начались массовые акции, которые преследовали цель пробуждения национальной и политической активности народа. Панихиды, праздничные манифестации во время сооружения символических могил борцам за свободу Украины, оказание почестей павшим героям в дни национальных праздников, антимонопольная и школьная акции интенсифицировали национально-освободительную борьбу в Западной Украине. Антимонопольная акция представляла собой отказ украинцев от покупок водки и табака, на производство которых существовала монополия государства. ОУН призывала: «Прочь из украинских сёл и городов водку и табак, потому что каждая копейка, потраченная на них, увеличивает фонды польских оккупантов, которые используют их против украинского народа» (*Набытович И. Степан Бандера. Жизнь и деятельность*).

Уже через год (в 1932-м) Степан Бандера становится заместителем краевого проводника РУН в Западной Украине и заместителем краевого коменданта Боевой организации ОУН.

А летом 1933 года его назначают краевым проводником РУН в Западной Украине и краевым комендантом боевого отдела ОУН – УВО, с вводом его в состав Провода украинских националистов.

Сегодня из многочисленных биографий Степана Бандеры, которые, как урожай, снимают с исторических полей Украины можно узнать: «К 1934 году он прошёл полный курс по специальности инженера-агронома. Однако защитить диплом не успел, так как был арестован» (В. Марченко).

Или: «Продолжал учёбу до 1934 года (с осени 1928-го до середины 1930 года)» (И. Набытович). И так далее.

Но скажите, пожалуйста, люди дорогие, а каким образом Степан Бандера вообще мог учиться в столь привилегированном высшем учебном заведении, если он занимался «расширением деятельности ОУН», «проводил акции» и «намного расширил деятельность ОУН, которая охватила многие круги украинского общества», и при этом усиленно делал свою политическую карьеру?

Например, «30 ноября 1932 года в Городке Ягеллонском произошло нападение на почтовое отделение. При этом были арестованы Василь Билас и Дмытро Данылышин и затем повешены во дворе львовской тюрьмы. Под руководством Бандеры было организовано массовое издание литературы ОУН об этом процессе. Во время казни Биласа и Данылышина во всех сёлах Западной Украины траурно звонили колокола, отдавая честь героям».

Когда же борец с врагами Украины находил редкие свободные минуты, совершенно забывая о себе, думая только о независимости Украины, для какой-то, извините, «агрономии»? Нет, тут что-то, не то... Но пока, к сожалению, ни один историк Украины нам так и не смог объяснить, так как же учился Степан Бандера: хорошо или плохо?

Почему-то никто до сих пор нам не выложил убедительных архивных документов об этом весьма продолжительном времени, которое может хоть каким-то образом лишь подчеркнуть его образ!

Глава 2

Опыт борьбы (Террор)

Рассказывают, что ещё в детстве будущий руководитель украинских националистов отличался, мягко говоря, странным поведением. Для «укрепления воли», например, побившись об заклад со сверстниками, одной рукой... душил котов. Этого не опровергают и нынешние его почитатели, например, Галина Гордасевич в своей книге «Степан Бандера – человек и миф».

В истории от Олесея Бузины («Бандера – душитель котов») также упоминается этот случай:

«А то, что лично он при этом никого не «замочил», незабвенного покойника не извиняет. Ему это было нелегко сделать при слабом здоровье, кривых ногах, рахите, перенесённом в детстве, и не очень богатырском, прямо скажем, телосложении. Рост пана Бандеры на вершине его физического развития и политической карьеры составлял всего 159 см. Вот и мог будущий «герой Украины» при таких атлетических данных душить собственными руками только... котов.

А котов он душить обожал! Точь-в-точь как булгаковский Шариков! Это было его любимое детское занятие – как другим мультфильмы смотреть. Он на кошках силу воли и беспощадность к врагам нации оттачивал! Причём душил их маленький Степанчик публично – на глазах ровесников, внушая им ужас и уважение к своей куцей, но грозной персоне. Факта этого не отрицают даже нынешние – самые благосклонные биографы».

Будучи студентом, Бандера вешал над своей кроватью кольцо колбасы и не ел несколько дней – тренировал волю. Факт весьма примечательный, но есть и другие. Однажды сестра Степана Владимира, зайдя в его комнату, застала брата очень бледным. Он стоял, стиснув зубы, а с кончиков пальцев капала кровь. Подойдя ближе, она увидела, что под его ногти загнаны иголки.

Словом, таким образом Бандера готовил себя с детства к той миссии, которой посвятил всю свою жизнь! И, видимо, не зря, потому как «болезненный и хилый Бандера обладал чрезвычайными лидерскими амбициями и в борьбе за власть был беспощаден». Так считает профессор, доктор исторических наук Анатолий Чайковский.

Вот что он рассказывает про С. Бандеру: «По автобиографическому признанию Ярослава Стецько, он тоже был «привязан к attentату на советского консула во Львове». А ему стукнуло тогда всего 22 года. Это были молодые старики. Ко времени теракта Бандера уже занимал пост руководителя Краевой экзекутивы ОУН, а Шухевич – её боевого референта. Опыт террористической деятельности они получали с юных лет...

Дисциплину и подчинение старшему в иерархии прививали юным националистам, начиная с детской скаутской организации «Пласт». Её школу прошло почти всё молодое поколение тогдашней Западной Украины, в том числе и Бандера. Хотя он с младенчества страдал ревматизмом, был болезненным, хилым, но обладал чрезвычайными лидерскими амбициями.

Впоследствии Бандера прошёл выучку в подпольной УВО (Украинской военной организации), сначала в разведывательном, а потом в пропагандистском отделении.

Научился не только стрельбе из револьвера, но и приёмам «глашатая-главаря». Пламенная пропаганда радикального национализма стала тем коньком, с помощью которого этот тщедушный человек подчинял себе рядовых оуновцев. Чтобы посылать людей на верную смерть, необходимо владеть особыми приёмами внушения...

Степан Бандера... и Роман Шухевич свой первый террористический опыт получили ещё в отрочестве. Бандера проходил спецподготовку в скаутской организации «Пласт», «выращивающей поколение боевиков», а Шухевич ступил на тропу борьбы за украинскую независимость, совершив первое «удачное покушение» на инспектора гимназий Яна Собинского...

Спорт, танцы, кружки по интересам, походы, даже отряды-«звёздочки» – это похоже. Но пионерии, если не считать героизации Павлика Морозова, было далеко до «Пласта» по технологии промывания мозгов, зомбированию. Всё-таки в пионерских отрядах детям не прививали, например, шпионских замашек, не приучали к подпольным кличкам и тому подобному, а в «Пласте» это было распространённой практикой. Скорее всего, «Пласт» являлся составной частью плана Коновальца по выращиванию поколения боевиков...

Пройдя первую ступень в «Пласте», «Соколе» или другой подобной детско-юношеской организации, подростки поднимались на следующую ступень в УВО. Её создал в Праге в 1920 году «отец украинского террора» Евгений Коновалец. Вошли в неё бежавшие из Украины петлюровцы и вояки УГА – Украинской галицкой армии.

В УВО всё было по-серьёзному. Только за 1923–1928 годы Германия через свой разведывательный орган передала этой нелегальной организации два миллиона дойчмарок, 500 килограммов взрывчатки, сотни единиц огнестрельного оружия» (*Л. Хазан. «Бульвар Гордона» № 1 (245) от 5 января 2010 г.*).

Атентат – политические убийства в практике украинских националистов, один из методов террористической деятельности организаций УВО и ОУН наряду с саботажем и экспроприациями. Представляло собой покушения, убийства польских чиновников и граждан других национальностей. Этот термин использовался членами националистической организации.

О серьёзности организации украинских националистов писал 20 декабря 1933 года польский журнал «Бунт Млодых» в статье «Без пяти двенадцать»: «...Таинственная ОУН – Организация украинских националистов – сильнее всех легальных украинских партий вместе взятых. Она господствует над молодёжью, она формирует общественное мнение, она действует в страшном темпе, чтобы втянуть массы в круговорот революции... Сегодня уже понятно, что время работает против нас. Каждый староста в Малопольше и даже на Волыни может назвать несколько сёл, которые до недавнего времени были полностью пассивными, а сегодня они стремятся к борьбе, готовы к антигосударственным акциям. А это значит, что сила противника возросла, а польское государство многое утратило».

Как сообщает современный историк А. Гогун: «Хоть численность ОУН была относительно невелика – около 20 тыс. человек в 1930-х гг., сочувствующих её деятельности было в несколько раз больше, так как непосредственное членство в ОУН было сопряжено с трудностями и риском. Впоследствии, во время войны, именно из сочувствующих была рекрутирована значительная часть участников украинского Сопротивления.

Для подавляющего большинства членов ОУН программа организации была чем-то далёким и даже непонятным.

Перед ними стояла цель, бывшая одновременно и мечтой: Украинское самостоятельное объединённое государство. Ради этой цели оуновцы готовы были умирать и тем более убивать.

Независимая Украина была стратегической целью. Основной же тактической задачей ОУН считала легальную и нелегальную национально-просветительскую, издательскую, пропагандистскую и организационную деятельность среди украинского населения, а также кампании саботажа и террор.

Террор должен был развивать культ жертвенности среди членов ОУН, держать в постоянном напряжении украинцев и польские власти, способствовать пропаганде идей украинского национализма.

Теракты были направлены в первую очередь против представителей польских силовых структур – так, было совершено покушение на комиссара польской полиции во Львове Емельяна Чеховского, отличавшегося жестокостью при подавлении украинского национального движения, но были и другие объекты применения националистической активности.

В 1930 г. оуновцы провели серию поджогов хозяйств польских землевладельцев в Галиции в знак протеста против политического и экономического угнетения украинского крестьянства.

21 октября 1933 г. в знак протеста против голодомора в УССР во Львове был убит сотрудник советского консульства Алексей Майлов.

Всего за 10 лет было совершено около 60 терактов. Самой громкой акцией было убийство министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого в июне 1934 г.».

25 октября 1933 года ведущие мировые газеты опубликовали сенсационное сообщение: «Во Львове двумя выстрелами убит сотрудник Генерального консульства СССР Алексей Майлов и ранен другой сотрудник И. Джугай. Акт совершил боевик из Организации украинских националистов (ОУН) 18-летний Н. Лемик».

Алексей Майлов был ещё молодым человеком, который только недавно демобилизовался из армии. Он проходил срочную службу в пограничных войсках, а после был направлен на дипломатическую службу во Львов, на должность начальника канцелярии консульства.

В первых числах октября он приступил к своей новой работе.

«24 октября, – пишет И. Кабанчик, – в уютный двухэтажный особняк, в котором размещалось консульство, вошёл очередной посетитель и потребовал у дежурившего в приёмной Алексея пропустить его в кабинет консула. Нервное поведение «гостя» насторожило молодого дипломата, и он предложил вошедшему изложить подробнее необходимость встречи именно с консулом. Вместо ответа молодой посетитель выхватил пистолет и в упор расстрелял сидящего за своим столом Майлова. На шум в приёмную вбежал курьер консульства И. Джугай. Посетитель успел ранить его в руку, но потом был схвачен вбежавшими полицейскими из охраны здания...»

Через некоторое время состоялся суд, на котором убийца объяснял свой поступок желанием «привлечь внимание общественности к ужасам голодомора в Советском Союзе».

«На клич Бандеры исполнить убийство откликнулись две трети всего состава боевиков, – комментирует этот теракт А. Чайковский. – Но он лично отобрал среди всех кандидатов 18-летнего студента Политехники красавчика Миколу Лемька, перед которым была поставлена задача, совершив убийство, сдать властям, чтобы предстать перед судом, и теракт, таким образом, получил бы широкую огласку. А биография и привлекательная внешность молодого убийцы должны были вызвать сочувствие.

Однако случилось так, что Лемьк убил не самого консула, а секретаря консульства Алексея Майлова и курьера Ивана Джугая. Ошибка вышла из-за того, что специально засланный в консульство разведчик Роман Сенькив, который под видом оформления документов для выезда в советскую Украину составил план учреждения и описал внешность жертвы, перепутал комнаты и принял секретаря Алексея Майлова за консула, а его кабинет – за консульский...»

В соответствии с инструкцией Бандеры на суде он утверждал, что совершил акт мести за «голодомор». Между тем убийство советских дипломатов планировалось ещё на 22 апреля 1930-го, к 60-летию Ленина, но тогда теракт по каким-то причинам не состоялся. Спустя три года Бандера привёл план в действие. Как говорится, было бы желание, а повод найдётся.

Лемьку повезло дважды – сначала казнь заменили пожизненным заключением. И ещё раз повезло, когда всего после шести лет отсидки начались Вторая мировая война и оккупация Польши гитлеровцами. Нацисты распахнули двери тюремных камер, где сидели враги польской и советской власти. Война нуждалась в подготовленных диверсантах».

В преддверии очередного акта «в январе 1934 года берлинскую штаб-квартиру ОУН на правах особого отдела зачислили в гестапо, на средства немцев были построены казармы, где готовили боевиков ОУН и их офицеров. Именно в этом году оуновцы совершили самые громкие заказные убийства. Среди них – убийство министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого в 1934 году» (А. Чайковский).

К слову сказать, в том же 1934 году ОУН участвовала в убийстве югославского короля Александра I и министра иностранных дел Франции Луи Барту в Марселе.

Министр внутренних дел Польши (с 27 июня 1931 г.) был молодым политиком (39 лет) и перспективным соратником Юзефа Пилсудского.

Перацкий считал и поляков и украинцев родственными народами, проживающими на одной земле. По его убеждению, эти народы когда-нибудь должны были прийти к полному согласию и сотрудничеству во всех сферах их жизни и деятельности.

«Наше правительство руководствуется намерением создания рациональных оснований для гармонического сосуществования всех граждан Польши, основанного на равенстве обязанностей и прав для всех», – говорил польский министр.

«Подчёркиваю необходимость равенства прав и обязанностей, потому что она должна стать основой системы существования как польского общества, так и обществ, которые представляют национальные меньшинства в нашем государстве», – был убеждён Перацкий.

«Как аргумент, подтверждающий «злодеяния» Перацкого, – пишет В. Бровко, – украинские националисты на протяжении всех 70 лет обычно цитируют выдержки из статьи в английской газете «Манчестер Гардиан» от 22.11.1935 г. – «Генерал Перацкий... был также ответственным за позорную пацификацию Украины в 1930 году. Украинцы пассивно терпели, до тех пор пока экстремисты не начали поджигать скирды в польских хозяйствах. В ответ отряды конницы и полиции напали на сёла, арестовывали всех подряд крестьян и побили их... Точнее число избитых крестьян неизвестно, но приблизительно их могло быть 10 000, из которых почти все были невиновны». И далее, что много крестьян заболело, а несколько вследствие причиненных им ран умерли. И всё! Но вот после начала суда над Бандерой ОУН так пояснила действия своих боевиков.

«Перацкий – это творец незаконных судов... полицейских издевательств и пыток украинских политических заключённых... профанации и глумления над памятью героев украинского освободительного движения, раскапывания могил и уничтожения крестов. Боевик ударил не только в Перацкого как личность, а в Перацкого как реализатора польской оккупационной политики на западно-украинских землях».

В качестве небольшого отступления, чтобы современному читателю было понятно, о каких могилах идёт речь, процитирую выдержку из книги Я. Святко «Миссия Бандеры» (Львов. Галицкий издательский союз. 2003 г.): «Народ всегда вспоминал погибших за его свободу. На могилах сичевых стрельцов проводились массовые мероприятия на Пасху и в начале ноября. Но не в каждом селе была могила сичевых стрельцов. Для распространения акций почитания было начато насыпание по сёлам своего рода могил Неизвестного Стрельца. Власть запрещала насыпание таких могил, полиция их раскапывала. Но при насыпании могил украинские священники освящали их, и поэтому разрушение могил вызывало возмущение религиозных чувств населения... Два раза полиция раскидывала могилу в с. Веринь, а на третий раз в могилу... зарыли... самодельную бомбу. На кресте повесили предупреждение о том, что могилу раскапывать нельзя. Полиция предупреждение проигнорировала, и, когда вынимали крест из земли, бомба взорвалась. Один из полицейских был убит.

Можно ли эти действия полиции считать глумлением над могилами?»

Согласно польской истории, «Перацкий был сторонником украинско-польского сотрудничества – вплоть до превращения украинцев и поляков в единую политическую нацию, поддерживал отношения с митрополитом Андреем Шептицким и всячески защищал равенство украинцев и поляков перед законом, за что снискал славу либерала» (К. Бондаренко).

Зато украинская историография считает иначе: «Перацкий был врагом всего украинского и проводил массовые пачификации в украинских сёлах Галичины, сажал в тюрьмы украинских патриотов и бесчинствовал относительно мирного населения» (К. Бондаренко).

Действительно, по долгу службы министр внутренних дел Польши принимал жёсткие меры, однако он не мог не понимать, что в дальнейшем обострение взаимоотношений между украинцами и поляками взрывоопасно. Например, 16 января 1932 г. Перацкий выступил в сейме после встречи с представителями украинской общественности, где достаточно серьёзно предостерегал именно от такого развития событий. Не за это ли он был и убит?

В Варшаве летний день 15 июня 1934 года был самым обычным и совершенно спокойным. По календарю – просто пятница. Около 15.40 генерал Перацкий подъехал к фешенебельному кафе «Клуб Товажискего», что располагалось по улице Фоскаль, дом 3.

Он прибыл на обед, как всегда, без охраны. Ещё в вестибюле к нему сзади приблизился неизвестный человек и, трижды выстрелив из револьвера в министра, тут же быстро убежал на улицу.

Перацкий вскоре был доставлен в больницу, но в тот же день, не приходя в сознание, скончался от огнестрельного ранения в голову. Два других возможных ранения обнаружено не было.

«Прибывшая на место полиция организовала осмотр места происшествия и розыск убийцы по горячим следам.

К окончанию первого дня удалось установить следующее:

...При осмотре брошенного подозреваемым пакета было установлено, что это – самодельная бомба. По заключению экспертов, бомба не взорвалась ввиду неразбития ампулы с азотной кислотой. Сила взрыва этой бомбы могла равняться 3–5 ручным гранатам.

И это была первая удача следствия, та ниточка, с которой началось успешное расследование уголовного дела. Этому поспособствовало то обстоятельство, что ранее, 14 июня 1934 г. полиция при проведении проверок лиц заподозренных в причастности к Организации украинских националистов (ОУН) в г. Кракове в доме у Ярослава Карпинца (29 лет) обнаружила подпольную химическую лабораторию.

В досье польской полиции Карпинец значился как украинский националист под псевдонимами: Цыган, Изидор.

Анализ изъятых у Карпинца материалов и устройств показал, что именно с них была изготовлена изъятая в Варшаве 18 июня неразорвавшаяся бомба.

Сам Карпинец, отрицал свою причастность к изготовлению, каких либо взрывных устройств, утверждая, что лаборатория была ему нужна для научной работы.

Таким образом, на основании собранных на протяжении первого дня данных, полиция пришла к однозначному и обоснованному материалами уголовного дела выводу, что убийцу нужно искать среди членов ОУН», – констатирует В. Бровко.

В безуспешных поисках убийцы полиция провела ещё 4 дня, когда 22 июня 1934 г. посланный в г. Гданьск в связи с убийством Перацкого начальник следственной службы г. Львова Юзеф Будни установил появление в обществе Андрея Федины (32 лет) видного функционера и резидента ОУН – УПА в этом городе, значившегося в полиции как украинский националист под псевдонимами: Моисей, Сак, Саковский, Смок, и ранее неизвестного полиции украинца, плохо ориентирующегося в городе.

При этом оба тщательно конспирировали все встречи между собой. После этого Федина и присоединившаяся к ним неизвестная женщина проводили незнакомца на пароход, идущий в немецкий город Звинемюнде.

На основе полученной от Юзефа Будни информации польская полиция, заподозрив в неизвестном убийцу Перацкого, потребовала от немецкой полиции немедленно задержать неизвестного.

По прибытии парохода немецкой полицией с участием польского консула было установлено, что разыскиваемый есть подданный Польши – Евгений Скиба, но документы на его прибытие в Германию явились поддельными. По настоянию польской полиции Скиба был доставлен самолётом в Варшаву, где допрошен по делу об убийстве Перацкого. При этом Скиба отрицал всякую свою причастность к этому делу, заявляя также, что он никогда ранее не был в Варшаве.

Но к этому времени полицией было достоверно на основе показаний свидетелей установлен факт нахождения Скибы в доме Карпинца, где была изготовлена бомба.

Одновременно полиция также установила подлинное имя Скибы – Николай Лебедь (24 лет) член УВО с 1929 г. который значился в картотеках полиции под псевдонимами: Чорт, Игорь, Максим Рубан, Ярополк и который уже находится в розыске за вооружённое нападение на почту в Городке Ягеллонском 30 ноября 1932 г.

Между тем планомерная и целенаправленная работа полиции по отработке членов ОУН как возможных убийц Перацкого дала ещё один неожиданный, но важный положительный результат.

12 сентября полиция г. Львова сообщила, что житель города Львова Григорий Мацейко (21 год), боевик ОУН, состоящий на учёте под псевдонимом Гонта, по месту своего проживания длительное время отсутствует. При предъявлении фото Мацейко хозяйке ночлежного дома и её постоянным постояльцам было установлено, что Григорий Мацейко и Владзимеж Ольшанский – одно лицо. Последующее предъявление фото очевидцам убийства также дало положительные результаты – Г Мацейко был опознан как лицо, совершившее убийство Перацкого.

В ходе продолжавшегося расследования полиции удалось существенно продвинуться в расследовании дела с помощью Ярослава Карпинца, который в своих показаниях признал, что в ОУН вступил летом 1933 г. Карпинец сознался, что на основании приказа ОУН изготовил бомбу, которую передал студенту Климишину Николаю (25 лет). Сам Климишин значился в полиции как активный член ОУН, известный под псевдонимами Недобитый, Непобедимый.

На основании собранных данных полицией было достоверно установлено, что следы организаторов и исполнителей убийства Перацкого ведут в г. Львов, где и до убийства Перацкого также членами ОУН был совершён ряд тяжких преступлений.

Одним из таких преступлений было убийство 3 мая 1934 г. в Стрийском парке г. Львова студента Якова Бачинского, застреленного группой неустановленных лиц.

При исследовании пуль и гильз, изъятых с места убийства Бачинского, с пулями и гильзами с места убийства Перацкого судебно-баллистической экспертизой было установлено, что убийства Бачинского и Перацкого совершены из одного и того же револьвера.

В начале ноября 1934 г. (по официальной версии) пражской полицией при проведении обыска в доме Сеника Емельяна (43 года) занимавшего в то время должность канцлера ОУН, известного полиции как один из основателей ОУН, под псевдонимами Грибовский, Канцлер, Урбан было изъято и передано полиции Польши около 2 тыс. документов. Это были личные учётные карточки на 2 тысяч функционеров ОУН, переписка. Отчёты про финансовую помощь от правительства Литвы. Полученные документальные данные позволили в краткий

срок изобличить и арестовать 62 членов ОУН и все их связи. В дальнейшем эти документы получили название «Архив Сеника».

А по неофициальной версии, провал и сдача главного архива ОУН произошёл вследствие предательства в рядах ОУН, польская полиция агентурным путём сумела уже в начале июня 1934 года заполнить вышеназванные документы...

В ходе дальнейшего расследования дела об убийстве Бачинского было установлено, что к его совершению причастны: Евгений Качмаровский (24 года, известный боевик ОУН, ранее судимый за вооружённое нападение, который 31 марта 1934 г. пытался ножом зарезать Бачинского, и 9 мая 1934 г. Бачинский был убит из револьвера Романа Мигалья (24 года, член ОУН, командир отдела боевой разведки КП ОУН) и Романа Сенькива (25 лет, боевик ОУН). Все вышеперечисленные лица, будучи арестованы в сентябре 1934 г., полностью признали свою вину и дали показания.

При этом Роман Мигаль показал, что орудие убийства – револьвер – он передал члену ОУН Богдану Пидгайному, проходящему в полиции под псевдонимом Бык.

Для справки: Пидгайный Богдан (31 год), член УВО с 1923 г., 19.10.1926 г. совместно с Р. Шухевичем совершил убийство польского школьного куратора Яна Собинского за перевод украинских школ на обучение на польском языке. В 1933 г. Пидгайный стал референтом Боевой референтуры КЭ ОУН.

Сам Пидгайный 14 июня 1934 г., как это усматривается из обвинительного заключения, был арестован полицией вместе с руководителем ОУН Степаном Бандерой (26 лет), на основе данных полученных польской полицией из выше упоминавшегося «Архива Сеника»...

Как уже выше отмечалось, наличие в руках польской полиции этого «Архива Сеника» помогло ей склонить на свою сторону подследственных Малюцу, Мигалья, Качмарского и Пидгайного, которые сознались в причастности к ОУН, подготовке к убийству Перацкого и дали полиции необходимые показания.

На основании их показаний было установлено, что в октябре 1933 года Степан Бандера, как руководитель КЭ ОУН, поручил Николаю Лебедю с целью активизации боевой работы совершение ряда террористических актов против высших государственных лиц Польши. При этом Бандера потребовал от Романа Мигалья оказания помощи Лебедю в организации ряда конспиративных квартир и предоставлении ему помощника – женщины. По показаниям Ивана Малюцы, при выполнении этого поручения Бандеры он лично встречался 10 и 15 мая 1934 г. с Лебедем, последний рассказал ему, что прибыл из Берлина. А до того был в Бельгии и Женеве. И что также встречался с хорватскими националистами – усташами и даже проходил в их лагере боевую подготовку.

При этом Лебедь пояснил, что зарубежное руководство ОУН приняло решение перейти от «эксов» (т. е. от нападений для завладения деньгами и др. ценностями) к «мокрым делам».

В мае 1934 г. Бандера выбрал из членов ОУН для оказания помощи Николаю Лебедю разведчицу ОУН Гнаткивскую Дарью. Кроме того, Бандера лично выслал в Варшаву 12 июня на вымышленное имя для Гнаткивской денежный перевод на 100 злотых.

Пидгайный Богдан показал, что по поручению Бандеры, который на протяжении 1933–1934 годов готовился на основании решения специальной конференции ОУН в апреле 1933 года в Берлине (в которой Бандера принимал участие как руководитель КЭ ОУН) совершить ряд террористических актов против государственных деятелей Польши – начальника следственной части полиции г. Кракова, министра Наконечникова-Клюковского и советника Ивахова. Он оказывал Бандере помощь в подборе исполнителей и закупке оружия и боеприпасов. В частности, он с помощью Качмарского приобрёл револьвер испанского производства, калибра 7,65 мм и две обоймы патронов к нему.

Тогда же, в июне 1934 г. Бандера хотел вначале совершить убийство заместителя тюремной охраны г. Львова Владислава Коссобузского, и на это добровольно вызвался подчинённый Пидгайному боевик ОУН Григорий Мацейко.

При этом Мацейко в мотивирование своего поступка заявлял, что хочет тем самым смыть свою вину за задержание и передачу в руки полиции по незнанию истинных мотивов поступка другого боевика ОУН, Ивана Мыщика, который 16 июня 1931 г. убил Евгения Бережницкого, заподозренного в роли провокатора, проникшего в ряды ОУН, и за что Мыщик был приговорён к 15 годам лишения свободы.

Но Бандера изменил своё намерение и дал Мацейко другое задание, не поставив в известность прочих членов ОУН. При этом Пидгайный по указанию Бандеры передал Мацейко пистолет, из которого ранее был убит Бачинский, хотя и не сообщил ему об этом.

После того как Мацейко уехал в Варшаву, Качмарский ему сказал, что Мацейко поехал на «Перацкого».

К слову сказать, в основу этого исследования автором был взят подлинный документ: «Обвинительное заключение против: Степана Бандеры, Николая Лебеда, Дарьи Гнаткивской, Ярослава Карпинца, Николая Климишина, Богдана Пидгайного, Ивана Малюцы, Якова Чорния, Евгения Качмарского, Романа Мигалья, Екатерины Зарицкой, Ярослава Рака по ст. 97 п. 1, ст. 93 п. 1, ст. 148 п. 1 Уголовного кодекса Польши 1932 г.»

Известно, что украинский перевод этого документа хранится в Львовском историческом музее (ФГ ПВЗ ЛІМ. № 788).

Более того, это единственный сохранившийся и дошедший до наших дней исторический документ, так как все материалы уголовного дела, составляющие 25 томов, пропали в 1939 году, в период войны между Германией и Польшей.

Не исключено, что они могли быть просто уничтожены заинтересованными лицами.

«В разговоре с Бандерой Пидгайный узнал, что действительно Мацейко поехал в Варшаву, но о том, чем ему там надо будет заняться, его должны были уведомить на месте. Сам Бандера был страшно недоволен своим выбором Мацейко и его поведением, в частности, написанием родителям прощального письма, называл «дураком» и намеревался отозвать из Варшавы. Дата покушения на Перацкого Бандерой точно никем не была определена.

Но 14 июня 1934 г. он и Степан Бандера были арестованы львовской полицией и уже ничем не могли руководить или повлиять на ход дальнейших событий.

Ввиду ареста Степана Бандеры его место занял Роман Шухевич (27 лет), который через Малюцу пытался связаться с Лебедем в Варшаве, но найти его быстро не смогли. 15 июня 1934 г. им из газет стало известно об убийстве Перацкого, и необходимость связи с Лебедем отпала.

С 18 ноября 1935 года по 13 января 1936 года в Варшаве проходил суд. Двенадцать членов ОУН обвинялись в соучастии в убийстве министра внутренних дел Польши. Обвинительный акт состоял из 102 машинописных страниц.

«Об обстоятельствах убийства Мацейко рассказал, что, когда бомба, переданная ему «Скибой», не сработала, он, достав револьвер, несколько раз выстрелил в министра Перацкого и убежал из кафе. По пути выбросил револьвер в речку.

В ходе встречи Мацейко попросил дать ему временное убежище, чтобы он смог вскоре покинуть Львов и незаконно перейти границу Чехословакии».

5 августа 1934 г. он с помощью членов ОУН перешёл границу Чехословакии.

Как выяснилось в ходе следствия, «причины, заставившие Ивана Малюцу дать признательные показания против своих товарищей, заключались не в перевербовке его полицией, а в личной трагедии – и мести Степану Бандере. Так в своё время Малюца получил приказ ликвидировать Р. Мигалья за невыход на связь с Бандерой, но не выполнил его.

Тогда боевики ОУН убили сотрудницу и подругу Малюцы Марию Ковалюк. Это, как сказал в своей речи на суде Малюца, «стало последней каплей, которая переполнила чашу моего терпения. ОУН – это организация, которая признаёт только индивидуальный террор. Её методы и тактика загнали нас в угол без выхода. Террор ОУН создал о нас такое мнение среди общественности, что практически сделало невозможным создание независимой украинской державы. ОУН не есть, никогда не была и не будет полезной народу Украины, ОУН есть наследница УВО, которая не признавала ничего, кроме террора».

По делу в качестве свидетелей были привлечены также члены ОУН – Ярослав Сопольский и Ярослав Макарушка. Последний из них прямо охарактеризовал деятельность ОУН как опасную для молодёжи, что ОУН учит демагогии и террору против собственного народа.

В результате «варшавского процесса» Бандера, Лебедь, Карпинец были приговорены к смертной казни, правда, по амнистии этот приговор им заменили на пожизненное заключение. Остальные получили от семи до пятнадцати лет заключения.

Следующим станет «львовский процесс», где на скамье подсудимых окажутся уже более двадцати оуновцев, в том числе Шухевич, Стецько, Зарицкая. Их обвиняли не только в соучастии в убийствах, но и в совершении «эксов» – экспроприации – нападении на почтовые дилижансы, кассы и банки.

«К тому моменту к власти в Германии уже пришёл Гитлер, и его режим вновь наладил с оуновцами сотрудничество, стремясь использовать их в антипольских и антисоветских целях, – рассказывает А. Гогун, – оуновцы, в свою очередь, стремились использовать нацистов, причём в тех же самых целях. Но не всегда это сотрудничество было удачным для оуновцев.

После теракта один из его организаторов, Николай Лебедь убежал в Германию, надеясь найти там укрытие. Но нацисты, опасаясь преждевременного международного скандала, выдали Лебеда полякам.

Потрясённая убийством министра внутренних дел в соседнем государстве, чешская полиция сдала часть оуновской организации полиции польской.

Стоит добавить, что к тому времени ОУН буквально кишела польскими шпионами и провокаторами, выдававшими польским властям активных националистов одного за другим.

Поэтому из всех межвоенных лет 1934 г. был для ОУН годом самых больших потерь.

Бандера вёл себя на суде откровенно вызывающе. На вопрос о гражданстве он ответил: «Украинское».

Выдача нацистами Лебеда привела к разрыву между ОУН и Третьим рейхом, длившемуся с 1934-го по 1938 год.

Но убийство ненавистного украинцам Перацкого подняло популярность ОУН в среде радикально настроенных украинцев, в том числе представителей диаспоры. Поэтому в 1934–1938 годах да и далее финансирование ОУН осуществлялось преимущественно за счёт американских и канадских украинцев, что позволило националистам достичь определённой независимости от европейских государств и режимов».

Однако это абсолютная ложь. Как утверждает профессор, доктор исторических наук А. Чайковский, в 1936–1937 годах только Литва выделила ОУН 30 тысяч долларов, где Коновалец был своим человеком.

С литовским паспортом он свободно разъезжал по Европе, жил в столицах, где вёл переговоры и добывал средства «на развитие».

Гитлеровцам, которые вынашивали планы вторжения в Польшу, сначала было необходимо как можно сильнее натравить украинцев на поляков. Когда же они захватили Польшу, то переключили ОУН на подрыв стабильности СССР».

Но вернёмся к Бандере. На суде он вёл себя, как говорят, крайне дерзко, благодаря чему его имя сразу же стало известно широким массам. Подробные стенограммы судебного засе-

дания над оуновцами печатались как в украинской, так и в польской прессе. Это было не что иное, как период «славы» Бандеры. Известно, что «даже советские газеты опубликовали портрет Бандеры с сопутствующим текстом – мол, украинские патриоты борются с польскими оккупантами. Украинский национализм в ту пору ещё не воспринимался как нечто откровенно враждебное, тем более что ООН выступала фактором дестабилизации ситуации на территории Польши, а Коновалец в своём умении находить общий язык со всеми нормально общался и с советскими агентами, получая из СССР деньги (а одновременно – и из Германии, Литвы и других государств)» (К. Бондаренко).

Глава 3

Идеология борьбы

В 1926 году во Львове вышла книга Дмитрия Ивановича Донцова «Национализм». Именно она стала основой идеологии украинского национализма, потому что именно Донцов, не будучи членом ОУН, дал этому движению идеологические основы.

Но прежде о самом господине Донцове.

Он родился 30 августа 1883 года в Мелитополе. Рано осиротел и воспитывался в семье деда по материнской линии.

«Семья его была русской по происхождению, в ней господствовал русский язык, – пишет В. Чернышёв. – Впоследствии Донцов будет усиленно придумывать себе всякие разные «украинские генеалогии», но, как признается позднее, сам не очень-то в них верил. Кстати, кроме неподходящей фамилии, внешность Дмитрия Ивановича тоже была не подходящей для апостола украинского национализма и певца расовой чистоты. Густые чёрные кудрявые волосы, чёрные же, слегка навывкате глаза, крючковатый нос, густые чёрные усы. Как с такой внешностью он жил в Третьем рейхе – вопрос также весьма интересный.

Отец Донцова получал неплохой доход с поместий, которые сдавал в аренду, и от торговли сельскохозяйственными машинами. Когда мальчугану было 11–12 лет, в один год умерли родители, и его воспитанием занялся отчим матери – немецкий колонист. По свидетельству жены Дмитрия Донцова – Марии Донцовой-Бачинской, – именно под влиянием своего деда, бывшего сознательным украинцем, Донцов в раннем возрасте начал активизироваться в украинском движении. Примечательно, что его старшие брат и сестра, воспитанные родителями, считали себя русскими, а воспитанные не родным дедом-немцем Дмитрий вместе с младшей сестрой и братом считали себя украинцами».

В 1900 году по окончании Мелитопольского реального училища Донцов поступает на юридический факультет Петербургского университета в Царском Селе. Ещё студентом активно участвует в политической деятельности. В 1905 г. вступает в Украинскую демократическую рабочую партию. Участвовал в редактировании газеты «Наша Дума», которую издавала украинская фракция 2-й Государственной Думы.

Дважды арестовывался полицией: в 1905 году в Петербурге и в 1908 году в Киеве.

После второго ареста (отбыл 8 месяцев заключения) был отпущен на поруки по ходатайству родственников в связи с ухудшением здоровья. Сначала переезжает в Галицию, а потом в Вену.

Считается, что именно в этом городе он начинает свой постепенный переход от марксизма к национализму, выдвигая совершенно новый для себя тезис: «Актуален не лозунг самостоятельности – мечтали же когда-то наши украинцы о самостоятельной Украине в союзе с Россией. Актуален, более реален, более конкретен – скорее осуществим! – лозунг отрыва от России, расторжение любого единения с ней – политический сепаратизм».

С 1919 года Донцов возглавляет Украинское пресс-бюро при посольстве УНР в Швейцарии (Берн). В 1922 г. возвращается во Львов, где редактирует журналы «Литературно-научный вестник», «Вестник» и публикует свои статьи в швейцарской и польской печати. Там же он пишет биографические очерки о Муссолини и Гитлере и переводит их основные труды.

В написанной в 1926 году книге «Национализм» Донцов, критикуя «народников» за «провинциализм», объявляет независимость Украины не единственной самоцелью, а первичной и главной целью украинской нации. Он обвиняет всех своих предшественников и умеренных украинских политиков в национальной неполноценности.

Донцов критикует всех, у кого понятия национальных интересов не совпадали с его собственными представлениями. Он легко отбрасывает популярные идеи федерализма или автономии как в составе Польши, так и в составе России.

Теперь Донцов много внимания уделяет рассуждениям о «воле» как главной движущей силе нации, при этом не касаясь Украины и украинского народа. Он говорит о европейских нациях вообще. В данном труде Донцов призывает к ориентации на западноевропейские ценности и выступает за борьбу и сопротивление имперскому национализму России и шовинизму Польши. Обоснованием его новых взглядов служит теория двух миров: «латино-германского» и «московско-азиатского». Они, мол, постоянно враждуют между собой. Граница же этих «миров» проходит по восточной части этнических границ Украины и Белоруссии.

Мало того, подтверждая свои размышления, Донцов идеализирует европейскую культуру, её ценности и традиции.

По мнению Дмитрия Ивановича, «поскольку политика – это, по сути, дарвиновская борьба народов за выживание, то конфликты между ними неминуемы», то следовательно, «цель оправдывает средства, что сила господствует над разумом, что лучше действовать, чем наблюдать».

Донцов, в частности, писал: «На воле (не на разуме), на догме, на аксиоме (не на поиске правды), на абсолютном, не на директивном постулате, на бездоказательном порыве должна быть построена наша национальная идея, если мы хотим удержаться на поверхности жестокости жизни».

«Закон природы – это право силы. Экспансия – не только самоутверждение собственной воли к жизни, а её отрицание у других».

«Вражда неминуема, ибо воля существует только для себя, как отличная и противоположная другим сила».

«Мораль, о которой я говорю, отрицает ту моральность, которая запрещала вредить другим, которая ценила жизнь превыше всего, которая ненавидела хищнические инстинкты».

«Всей борьбе за существование чуждо моральное понятие справедливости».

Именно такая идеология подходила ООН, потому что она позволяла воевать с каждым, кто станет на её пути.

Политолог, магистр права и доктор гуманитарных наук, Виктор Варфоломеевич Полищук, комментируя теорию «интегрального национализма», рассказывает: «Согласно утверждениям Донцова, «нация» являет собой вид в природе – такой же, как собаки, кошки, львы и прочие. Отсюда следует вывод: нации находятся в состоянии постоянной борьбы за выживание. Следовательно, войны – вещь обычная, войны между нациями вечны, вечна и вражда между ними».

Дальше украинская нация должна строиться по иерархическому принципу – во главе должен стоять вождь. Правящей верхушкой должно быть «инициативное меньшинство», которое Донцов называет «элитой», «орденом» (по отношению к остальному народу, называемому Донцовым «массой» и «чернью») и которое осуществляет «творческое насилие».

Движущими силами интегрально украинского национализма должны быть следующие идеологические принципы:

- воля, которая должна быть отрицанием разума, отсюда и волюнтаризм в украинском национализме;
- сила, причём сила физическая, как отрицание силы науки, экономики, культуры и т. д.;
- насилие сильного над слабым;
- территориальная экспансия – как следствие межнациональной политики;

– расизм, согласно которому, украинская нация состоит из разных расовых элементов, среди которых наилучшим является нордический расовый элемент, и именно он более всех приспособлен к управлению государством;

– фанатизм;

– беспощадность к врагу, а враги украинской нации – это все неукраинцы или украинцы, не разделяющие идей интегрального национализма;

– ненависть ко всему чужому;

– аморализм, согласно утверждению: «Всё хорошо, что полезно нации». Что именно «хорошо», – определяют «вождь» и «инициативное меньшинство», то есть ОУН.

Цель украинского националистического движения – создание фашистского Украинского Соборного Самостоятельного Государства (Державы), УССД, которое по территории занимало бы 1 200 000 квадратных километров – от Кракова в Польше до берегов Каспийского моря по соседству с Чечнёй. Такое государство украинскому народу не нужно, но планы ОУН предусматривают занять место России в Восточной Европе, создать украинскую империю.

Всё сказанное – только самый общий срез украинской националистической идеологии. Без знания того, что представляет собой идеология ОУН, невозможно понять это движение, его историю, его преступления, в конце концов».

К слову, книга «Национализм» имела большой успех в националистических кругах.

«Когда в 1941 г. бандеровцы готовили провозглашение Украинской державы, Степан Бандера предложил Донцову пост её президента. На это Донцов ответил: «Я с радостью займу этот пост, но не из ваших рук, пан Бандера» (В. Чернышёв).

В начале тридцатых с тем же успехом Донцову предлагали возглавить Краевой провод ОУН, но и тогда он отказался. По мнению ближайшего соратника Бандеры Степана Ленкавского, Донцов начал скептически относиться к политической деятельности, потому что ему так и не удалось в середине 1920-х гг. превратить Украинскую партию национальной работы в массовый фронт недовольных польской политикой в отношении Западной Украины.

Самое интересное, что, «оставив» свой «национализм» ОУН, Донцов вскоре отходит от политической деятельности. В 1939 году его сначала интернировали власти Польши, а затем, после ввода советских войск в Западную Украину, он эмигрировал в Бухарест, где редактировал журнал. В 1941 году Донцов переезжает в Прагу и становится сотрудником немецкого исследовательского учреждения по делам Восточной Европы. Там же печатал статьи и издал новую книгу.

В мае 1945 года Донцов через Париж, Англию и США переезжает в Канаду, где проживает с 1947 года. В 1948–1953 гг. преподаёт украинскую литературу в местном университете. 30 марта 1973 г. он покинет этот мир в той же Канаде.

Странно, но после окончания Второй мировой войны Донцов почему-то невзлюбил слово «фашизм» и везде стал исправлять его на слово «национализм».

Исследователи творчества Донцова не однажды отмечали, как он виртуозно «вписывал» «свои произведения в нужную систему политических координат, меняя в соответствии с эволюцией общественных тенденций... отдельные понятия, термины, названия».

По мнению доктора философских наук, профессора Г.С. Ткаченко, «Донцов в своих трудах «Национализм», «Хрестом і мечем» и других создал образ «настоящего борца за незалежність України» и обосновал основополагающий принцип украинского интегрального национализма, именуемый «провідницьким» или «фюрер-принципом».

В соответствии с этим принципом независимое Украинское государство может создать лишь избранное меньшинство нации и её лидеры, наделённые следующими чертами:

– беспредельной преданностью национальной идее;

– ненавистью к другим народам;

– уверенностью в себе;
– осознанностью своего величия к основной массе нации и способностью подчинить большинство нации и повести его за собой».

Считая народ серой массой, Донцов, по мнению профессора Ткаченко, пренебрежительно именовал его «гречкосеями», нуждающимися в жестком руководстве и кнуте. Он убеждал националистов в необходимости «победить собственное общество. Объезжать, его как дикого коня. Прутом и шпорами».

Слово профессору Ткаченко: «Итак, по Донцову, в Украине ОУН должна быть аппаратом власти, состоящим из «лучших людей» во главе с вождём, который соединит в себе функции лидера движения и главы государства. Все эти установки легли в основание первой (1929) и второй (1939) программ ОУН.

Чрезвычайный збор ОУН (апрель 1941 г.), руководствуясь идеями Донцова, в программных документах записал: в Украине существуют «враждебные национальные меньшинства», – русские, поляки и евреи.

Крупной фигурой среди тех, кто создавал идеологию украинского национализма, был Николай Сциборский (1897–1941 гг.). На формирование его мировоззренческих и политических взглядов решающее влияние оказал национал-социализм.

Приведём некоторые его догматы:

– Фашизм – это прежде всего национализм, любовь к своей отчизне и патриотизм чувств, доведённых до самоотречения и культа жертвенного фанатизма. Источником его происхождения являются национальный инстинкт, национальный дух и национальное сознание».

– Фашизм – это «теоретический эталон» и «движущая сила», поднимающая нацию на высшую историческую ступень»;

– Если демократия в основу своих доктрин положила «чрезмерный культ разума», то «фашизм свою философию построил на признании духа, воли и идей (спиритуализм, волюнтаризм, идеализм) в качестве решающих факторов исторического развития».

Сциборский считал недопустимым межнациональные браки, «смешения народов и рас».

Аналогичные идеи отстаивали и другие теоретики украинского национализма – современники Сциборского, в частности, Николай Михновский (1877–1924 гг.), который постулировал: «Украина для украинцев», «Помоги своему земляку прежде других», «Не бери себе в жёны из чужинцев, иначе и дети твои будут чужинцами»... Обращаясь к рабочим, он призывал их «к полному изгнанию их Украины чужаков»...

Идеи расизма и человеконенавистничества идеологов украинского национализма легли в основу выработки инструкций, директив и программ ОУН. Эти документы и вся практическая деятельность ОУН были направлены на то, чтобы сформировать воспетый Донцовым и его единомышленниками «орден рыцарей-крестоносцев», привить боевикам ОУН бездушный фанатизм, превратить их в слепых исполнителей воли...

Декалог – десять заповедей украинских националистов, разработанных одним из ведущих идеологов ОУН Степаном Ленкавским (1904–1977 гг.), призывает к отказу от собственного «Я», к полной отдаче себя в распоряжение националистических вождей. Декалог содержит также призывы к борьбе, ненависти и мести, добиваться «увеличения горы трупов противника», не обращая внимания на реакцию мирового сообщества.

В «Пояснениях к декалогу» записано: «Дело, за которое мы берёмся, освящает средства. Всё, что совершается для дела, хорошо, свято... Националистическая мораль – мораль завоевателя».

Степан Ленкавский родился на территории Австро-Венгрии. Учился на философском факультете Львовского университета. С середины 1920-х гг. – активный участник национа-

листического движения на западноукраинских землях, член правления Союза украинской националистической молодёжи. В 1928 году принимал участие в редактировании первого нелегального националистического издания для молодёжи – журнала «Юнак», был сотрудником журналов «Украинский голос» и «Бюллетень КЕ ОУН на западноукраинских землях».

Участник 1-го Конгресса Правления украинских националистов в Вене, на котором было оформлено создание ОУН.

С февраля 1929 г. – в составе 1-го Правления ОУН на западноукраинских землях. Референт идеологического отдела. В 1931 г. арестован польской полицией в Кракове и в сентябре 1932 г. во время «процесса конгрессовцев» осуждён на 4 года заключения.

В 1939 г. вошёл в Правление ОУН (б), с апреля 1941 г. – референт по пропаганде.

Таким образом, профессор Ткаченко подчёркивает: «Идеология украинского национализма имеет фашистское основание. Данный факт признают сами оуновцы. К примеру, Луцкий (бывший член Центрального провода ОУН) справедливо отметил: «Идеология ОУН формировалась в период германского национал-социализма и итальянского фашизма. Именно потому что украинский национализм развивался под влиянием этих течений, между украинским национализмом и германским национал-социализмом так много общего».

Евгений Онацкий (автор многих работ по апологетике украинского национализма, опубликованных в предвоенные и послевоенные годы) писал о том, что различие между германским фашизмом и украинским национализмом чисто условное. По его словам, «фашизм является национализмом нации государственной, а украинский национализм – национализм нации негосударственной».

Уже вторая программа ОУН (1939 г.) декларировала нациократию – государственно-политическую систему, сочетающую элементы политического устройства нацистской Германии и корпоративного строя фашистской Италии. В так называемой Украинской соборной самостийной державе (УССД) декларировалась монополярная власть ОУН при полной ликвидации каких бы то ни было демократических прав и свобод. Социально-экономическую основу УССД оуновцы предполагали построить по образцу и подобию государственного синдикализма в фашистской Италии.

Расхождения в названных выше идеологиях были оставлены главарями ОУН без внимания как несущественные. Свою же новую идеологию они назвали ИНТЕГРИРОВАННОЙ, якобы отвечающей ВЫСШИМ ДОСТИЖЕНИЯМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА, откуда и произошло второе название украинского национализма – УКРАИНСКИЙ ИНТЕГРИРОВАННЫЙ (ОРГАНИЗОВАННЫЙ) НАЦИОНАЛИЗМ».

А, как известно, где фашизм, там присутствует и «еврейский вопрос».

В 1930 году один из главных идеологов организации, политический референт Провода ОУН Николай Сциборский опубликовал в журнале «Построение нации» статью под названием «Украинский национализм и еврейство». В статье констатировалось, что негативное отношение украинцев к евреям заставляет последних опасаться украинских националистов. «Долг украинской общественности, – писал Сциборский, – убедить евреев в том, что будущая украинская держава не представляет для них никакой опасности. Что, более того, в условиях этой государственности и её общественно-производственной и экономической организации еврейство найдёт более благоприятные условия работы и жизни, чем имеет сейчас на оккупированных украинских землях... Необходимо ясно указать евреям, что наше государственное движение не видит никаких оснований и пользы в ограничении правового положения еврейства на Украине. Напротив, целью власти будет дать евреям равноправное положение и возможность проявить себя во всех областях общественной, культурной и другой деятельности... Что же касается опасений, что равноправность евреев может нанести вред государственности, необходимо иметь в виду, что евреи не представляют такого наци-

онального меньшинства на Украине, которое имело бы какие-нибудь субъективные основания относиться принципиально враждебно к нашей независимости...»

Однако, по утверждению А. Дюкова, «антисемитские настроения среди членов ОУН были сильны по вполне практическим причинам. Украинская держава, обеспечивающая поступательное общественное и экономическое развитие для всех своих граждан, оставалась мечтой. Реальностью была полунищая жизнь Западной Украины, превращенной в восточную провинцию Польши. Неумолимые экономические законы сталкивали евреев и украинцев. Будут ли жители села покупать товары в магазине, принадлежащем украинцу, или в лавке еврея? Чья продукция будет пользоваться большим спросом?..

В глазах националистов именно евреи наравне с поляками были винтиками незавидного положения украинцев. Об этом, в частности, говорилось в листовке, разбросанной в селе Белив Станиславского воеводства: «Украинский крестьянин! Украинский рабочий! Земля, которой владеют местные евреи... является собственностью украинской нации. Евреи – вечный враг украинской нации. С этого дня никто не пойдёт работать к еврею. Евреи должны исчезнуть с украинской земли. Кто пойдёт к еврею работать, будет строго осуждён, тяжело ранен. Прочь жидов!»

Поначалу руководство ОУН пыталось дистанцироваться от антиеврейских акций, особенно когда речь заходила о прямой уголовщине...

Однако вскоре положение изменилось. Украинские националисты начали возглавлять антиеврейские акции, придавая им весьма значительный размах...

В 1938 году видный член ОУН В. Мартинец озвучил новый подход к «еврейскому вопросу». По его мнению, с евреями нужно было бороться как с врагами, стараться изолировать их или вообще выслать с Украины».

«Постановления II Великого съезда ОУН (Б) зафиксировали предельно негативное отношение организации к евреям, – продолжает А. Дюков. – Жиды в СССР являются самой преданной опорой большевистского режима и авангардом московского империализма на Украине, – говорилось в постановлениях. – Антижидовский настрой украинских масс использует московско-большевистское правительство, чтобы отвлечь их внимание от действительного виновника бед и чтобы в час восстания направить их на погромы жидов. Организация украинских националистов борется с жидами как с опорой московско-большевистского режима, объясняя одновременно народным массам, что Москва – это главный враг».

В преддверии нападения Германии на СССР это решение ОУН (Б) имело принципиальный характер. Оно свидетельствовало о том, что во время войны деятельность украинских националистов будет направлена не только против представителей советской власти, но и против евреев. Разумеется, борьба с евреями была для ОУН второстепенной задачей, однако то, что эта задача имела место, уже говорило о многом.

Ряд современных украинских историков пытаются истолковать антиеврейский пункт постановлений II Великого съезда ОУН (Б) в том духе, что ОУН (Б) собиралась бороться лишь с евреями, поддерживающими советскую власть, а не с евреями как нацией. Однако внутренние документы ОУН (Б) свидетельствуют, что подобного различия не проводилось. Слова «еврей» и «сторонник большевизма» рассматривались как синонимы. Мы уже упоминали о разработанном весной 1940 года «Едином генеральном плане повстанческого штаба ОУН». В мае 1941 года, непосредственно перед германским вторжением в Советский Союз, ОУН (Б) разработала новый план восстания – инструкцию «Борьба и деятельность ОУН во время войны». Инструкция 1941 года отличалась от «Единого генерального плана» большей проработанностью конкретных вопросов. В ней подробно описывались мероприятия, которые следовало проводить новым органам государственной власти, военным структурам и организациям. В отличие от «Единого генерального плана» в инструкции не был обойдён вниманием и национальный вопрос.

Согласно пункту 16 раздела «Указания на первые дни организации государственной жизни», принципы политики ОУН по отношению к национальным меньшинствам сводились к следующему:

«Национальные меньшинства подразделяются на:

а) дружественные нам, то есть члены всех поработанных народов;

б) враждебные нам – москали, поляки, жида;

а) имеют одинаковые права с украинцами, они могут возвратиться на свою родину.

б) уничтожаются в борьбе, кроме тех, кто защищает режим: переселение в их земли, уничтожать прежде всего интеллигенцию, которую нельзя допускать ни до каких правительственных учреждений, и вообще сделать невозможным появление интеллигенции, то есть доступ до школ и т. д. Например, так называемых польских селян необходимо ассимилировать, осведомляя их, тем более в это горячее, полное фанатизма время, что они украинцы, только латинского обряда, насильно ассимилированные. Руководителей уничтожать. Жидов изолировать, убрать из правительственных учреждений, чтобы избежать саботажа, тем более москалей и поляков.

Если бы была непреодолимая необходимость оставить в хозяйственном аппарате жида, поставить над ним милиционера и ликвидировать за малейшую провинность. Руководителями отдельных областей жизни могут быть лишь украинцы, а не чужинцы-враги. Ассимиляция жидов исключается».

Следующий, 17-й пункт раздела пояснял: «Наша власть должна быть страшна для её противников. Террор для чужинцев-врагов и своих предателей».

Террор против противников ОУН должен был начаться сразу после вооружённого выступления. В военном разделе инструкции имелся специальный параграф об «очищении территории от враждебных элементов».

Дальнейшее развитие пункт об «очищении территории от враждебных элементов» получал в разделе «Организация Службы безопасности».

«Следует помнить, что существуют активисты, которые, как главная опора силы НКВД и советской власти на Украине, должны быть при создании нового революционного порядка на Украине обезврежены. Такими активистами являются:

москали, посланные на украинские земли для закрепления власти Москвы на Украине;

жида, индивидуально и как национальная группа;

чужинцы, преимущественно разные азиаты, которыми Москва колонизирует Украину с намерением создания на Украине национальной чересполосицы;

поляки на западноукраинских землях, которые не отказались от мечты о Великой Польше...»

К слову, «за ходом формирования идеологии украинских националистов пристально следили лидеры фашистской Германии, в частности, Розенберг и Канарис. При обсуждении вопросов использования украинских националистов в своих экспансионистских целях они обратили внимание на то, что ОУН не имеет своей политической идеологии. Аналогичная оценка была выражена и в справке-докладе, подготовленной 13 декабря 1938 г. для Гитлера. В документе подчёркивается, что ОУН никогда не имела своей политической идеологии. В своей деятельности она ограничивалась мелкими террористическими акциями в Галиции...

В последние годы, получив поддержку от Министерства рейхсвера, она превратилась в группу, занимающуюся вопросами разведки и контрразведки», – констатирует профессор Ткаченко.

Следовательно, идеология ОУН формировалась в период распространения фашизма в Западной Европе. Соответственно, Степан Бандера, как один из самых активных её членов, не мог не усвоить её как-то иначе.

«Честолюбивый недоучившийся агроном, не имевший ещё никаких заслуг перед движением, поставил своей целью вывести из руководства ОУН Е. Коновальца. И он активизирует свою деятельность, входит в руководство «Краевой экзекутивы». Под его руководством осуществляются дерзкие разбойные нападения на почтовые отделения и специальные автобусы, перевозившие значительные суммы денег. Таким путём добывались финансовые ресурсы для организации. Были осуществлены вооружённые нападения на еврейский «Народный банк» в Бориславе и банковские конторы во Львове, Стрые, Трускавце и других галицких городах.

В 1932–1933 гг. С. Бандера стал заместителем и руководителем Краевой экзекутивы, комендантом УВО. Под его руководством осуществляются резонансные политические акции. Среди них убийство депутата польского сейма Тадеуша Голувко, комиссара полиции Львова Емельяна Чеховского. Бандера был организатором убийства секретаря советского консульства во Львове Андрея Майлова. Всем этим он заслужил доверие будущих европейских хозяев. Для совершенствования своей «профессии» он побывал в Берлине и вернулся оттуда агентом гитлеровских спецслужб под кличкой Серый. Побывал и в Италии, где прошёл полный курс мастера «чёрных дел» в специальной школе террористов», – утверждает доктор исторических наук, профессор Е.Ф. Безродный.

Глава 4

НКВД против ОУН

Как известно, активисты УВО в своей повседневной деятельности вели учёт бывших военнотружущих УГА, собирали оружие и разрабатывали планы вооружённого восстания против Польши. Но, кроме так называемой боевой и пропагандистской работы, они вели подрывную деятельность и индивидуальный террор против польских властей.

Созданная ими широкая сеть резидентур и подпольных групп в Галичине, в крупных городах Польши и некоторых других стран – это было ещё ничего по сравнению с другими фактами, которые фиксировались интересующимися ими спецслужбами.

Например, «в составе «Начальной команды» УВО создаётся рефентура разведки, которую возглавили Ярослав Чиж (бывший сотрудник разведки Австро-Венгрии, а затем и Корпуса сечевых стрелков), сотники Николай Колтуняк и Осип Думин. Создаются разведподразделения окружных и уездных команд УВО, конспиративные линии связи, по которым информация поступала в «почтовые ящики», находившиеся в ведении руководителей разведки УВО. В учебнике «Разведка», подготовленном Генштабом Польши, отмечалось, что «разведывательная сеть УВО была наибольшей и наилучше организованной в своём роде в Европе». Собирается разноплановая информация о вооружённых силах, государственных учреждениях, промышленности, коммуникациях Польши. Источниками информации служили украинцы военнотружущие или гражданские лица, корыстолюбивые чиновники всех национальностей. Так, сотрудники-украинцы штаба армейского корпуса в Пере-мышле по заданию разведчика УВО Заблоцкого добыли данные о дислокации и командном составе частей, мобилизационные схемы, секретные приказы и документацию местного арсенала.

Уже в марте 1925 г. состоялся громкий судебный процесс над членами УВО по обвинению в разведывательно-подрывной деятельности... По нему проходили 10 участников во главе с руководителем УВО в Галичине Андреем Мельником, получившим 4 года тюрьмы. Всего к 1928 году около 100 украинских националистов отбывали наказания по обвинению в шпионаже. По данным дефензивы (контрразведки, подчинённой II отделу Генштаба Польши), в 1929–1935 гг. около 630 украинцев собирали разведданные (26 % от общего числа подозреваемых в шпионаже)».

Как мы уже говорили, в 1921 г. лидер УВО Коновалец вступил в тайные отношения с абвером. Например, в «Меморандуме по украинскому вопросу», подготовленному в 1938 г. НСДАП, говорилось: «В 1922 году тогдашний начальник немецкой контрразведки полковник Гемпш вошёл в письменное соглашение с руководителем ОУН полковником Е. Коновальцем, на основании которого украинская организация получала материальную поддержку, за что передавала отделу контрразведки сведения о польской армии. Затем организация взялась за подготовку в Польше диверсионных актов. Регулярная месячная плата Коновальцу доходила до 900 марок».

Контакт между УВО и абвером осуществлял напрямую некий Рихард Ярый, ставший руководителем разведывательных курсов для УВО, организованных в Баварии (Мюнхене) майором Фоссом.

Рихард (Рико) Ярый (Ярий) родился в 1888 году во Львове в семье майора цесарской армии (отец – чех, мать – польская еврейка). В 1912 году он окончил военную академию в Винер-Нойштадте и в звании поручика был направлен в 9-й драгунский полк в Коломые. В армии Западно-Украинской Народной Республики дослужился до командира 2-го конного полка конной бригады. Имел звание сотника – капитана. В армии УНР – в 5-м Херсонском

конном полку, в составе которого в 1920 году перешёл границу Чехословакии и стал командиром интернированных украинских кавалеристов в Ужгороде.

До своей женитьбы на красавице Ольге (Рейзель, Розе) Шпильфогель Ярый слыл человеком праздным: любил комфорт, модную одежду и дорогое шампанское. Семейную же идиллию осложнял прежде всего вопрос денег. С отцом отношения не сложились, а 26-летняя жена приданого из-за побега под венец без благословения не получила.

«Нужда» заставила сотника спекулировать казёнными лошадьми. От суда его только спасло расформирование части.

Будучи весёлым, хитрым и умелым дипломатом, Ярый владел несколькими иностранными языками. В отношениях с людьми мог быть корректным. Собеседников притягивал симпатичный и весьма представительный офицер.

Именно таким он и попал на связь к майору Фоссу из германской разведки. Естественно, появились и деньги.

Например, в 1923–1928 гг. УВО Коновальца получила около двух миллионов рейхсмарок.

При этом из-за денег же периодически возникали и скандалы. Так, в 1926 г. Ярый, снова «нуждаясь», предложил «сдать» полякам всего лишь нескольких немецких агентов. Правда, не получилось, а его как-то не поняли, но убрать не смогли.

«В 1923 г., находясь в Берлине, Коновалец установил связь с германским штабом через бывшего офицера сечевых стрелцов Карпата (он же – Ришард Ярый).

С этого времени сотрудничество УВО с немецкой разведкой (через полковника Райхенау и ротмистра Баумайстера из разведуправления ГШ, а также начальника тайной полиции Дильса) быстро расширялось. Уже с 1925 г. разведрезидентура УВО действовала в Данциге. Далее Дильс в том же году поручил Коновальцу расширить число оуновцев в рядах тайной полиции разных стран – на Балканах, в государствах Малой Антанты, в Швейцарии, Польше и Прибалтике. Коновалец это задание выполнил. Взамен ОУН получила от немцев вознаграждение, составляющее в середине 30-х годов сумму приблизительно в 80 000 рейхсмарок (50 тыс. от рейхсвера и 30 тыс. от Дильса). Эта сумма была выплачена частично в руки самому Коновальцу (в Женеве), частично – Карпату-Ярому (в Берлине)» (*В.К. Былинин, В.И. Коротаев. Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб*).

В абвере ОУН была зарегистрирована как разведывательная структура под зашифровкой «Украинише Кампф-организацион». При этом разведывательные функции между отдельными оуновскими деятелями были строго разграничены. Например, Роман Сушко в специальные анкеты вносил информацию об обстановке в польской армии и передавал немцам. Вся разведывательную работу координировал один лишь Рико Ярый.

Сотрудничество с литовскими спецслужбами давало ОУН не только фальшивые паспорта, возможность выпуска политической литературы, но и денежное вознаграждение в сумме 6–8 тысяч долларов США.

В 1926 году разведка УВО приобрела план польского вторжения в Литву. Детали операции были сообщены как литовскому правительству, так и правительствам Англии и Германии. Тесное сотрудничество со спецслужбами Литвы было тесным и абсолютно не случайным. Именно в столице Литвы Каунасе разместилась резидентура УВО во главе с сотником Иосифом Ревьюком (Йонасом Братвичусом). В неё входили 15 сотрудников, владевших польским, литовским и белорусскими языками. Они собирали информацию в регионе Вильнюс – Гродно – Лида – Пинск, содействовали закупке и переправке в Галичину оружия, поддерживали связь с резидентурами УВО в Берлине, Вене, Париже. В последние годы жизни Е. Коновалец использовал для прикрытия именно литовский паспорт.

Из документов, изъятых чешской полицией у Сеника (тайный архив ОУН), стало известно: в 1931 году расходы ОУН на содержание зарубежного руководства, на прессу, на

обеспечение боевиков, на помощь заключённым, на адвокатские услуги составили 22 тыс. 143 доллара. Для «революционной работы» в Галиции передано 7425 долларов. Из Америки в Галицию было передано 24 тысячи долларов, но по адресу дошло только 5 тысяч.

В начале 1933 года после утверждения в Германии фонда, предназначенного для финансирования национальных меньшинств, украинцам было выделено 200 тыс. марок. Коновальцу же платили 7000 марок в месяц. Кроме того, он получал отдельную плату за выполнение спецзаданий. Известно, что с 1 января 1934 года лидер ОУН получал от немцев по 110 тысяч марок в месяц.

По сведениям, переданным польской разведке её информатором (на самом деле – двойным агентом), пресвитером Яковом Кравчуком, близким к высшим руководителям ОУН, в бюджете ОУН (Освободительный фонд) на 1936–1937 гг. из общей суммы, эквивалентной 126 тыс. 282 долларам США, 50 тыс. поступило от Германии, 30 тыс. от Литвы. Непосредственно на разведку потратили 20 тысяч.

В 1931 г. эмиссары ОУН установили контакты с британской спецслужбой СИС через её кадрового сотрудника в посольстве Англии в Варшаве Д. Росса. В 1934 г. японский военный атташе в Стамбуле обсудил с представителями ОУН возможности сбора информации о СССР. По данным разведки НКВД, в августе 1937 г. Ярый свёл в венском отеле «Бристоль» Коновальца и шефа войскового штаба ОУН генерала Николая Капустянского с японским военным атташе в Берлине, генштабистом и кадровым разведчиком Ито – советником посольства Японии в Париже. Стороны договорились о сотрудничестве в сборе разведывательной информации по Советскому Союзу с позиции ОУН в Маньчжурии».

Весьма любопытно, но факт: «...с целью организации шпионско-диверсионной деятельности на землях УССР боевики ОУН – УВО в данный период активно использовали Коммунистическую партию Западной Украины в качестве прикрытия. Именно под видом курьеров КПЗУ они пересекали польско-советскую или румыно-советскую границу, а затем, установив контакты с местными бандитами и прочими тёмными элементами, творили порученное им дело по «расширению рядов» своих сторонников... т. е. по проведению акций саботажа, диверсий, убийств и т. п. С таким же успехом для проведения разведмероприятий и диверсий в самой Польше, а также в Венгрии и Румынии оуновцы использовали документы и каналы связи КП Закарпатской Руси (КПЗР)» (В.К. Былинин, В.И. Коротеев).

Надо сказать, что в 20-е годы с УВО приходилось бороться прежде всего польской полицией. Работала она, как считают историки, достаточно профессионально. Она на данном направлении включала в том числе и агентурную разведку, массовость агентуры в оуновской среде. Причём агентурная разведка считалась приоритетной. Если в 20-е годы в ОУН были выявлены 5 агентов, то в 30-е число выявленных возросло до 11.

Например, в Стрые на полицию трудился в качестве информатора даже дядя Степана Бандеры.

С советской стороны за УВО – ОУН, судя по документам, наблюдали долго и терпеливо.

Агенты были внедрены не только в организацию, но и в само окружение её лидера – Коновальца. Только в 1934 г. терпение, видимо, лопнуло.

Как вспоминал генерал П. Судоплатов, «после трагического убийства советского дипломата Майлова во Львове, совершённого террористом ОУН Лемеком в 1934 году, председатель ОГПУ Менжинский издал приказ о разработке плана действий по нейтрализации террористических акций украинских националистов. Украинское ГПУ сообщило, что ему удалось внедрить в подпольную военную организацию украинских националистов в изгнании (ОУН) своего проверенного агента – Лебеда. Это было крупным достижением.

Слущкий, к тому времени начальник Иностранного отдела, предложил мне стать сотрудником-нелегалом, работающим за рубежом. Сначала это показалось мне нереальным,

поскольку опыта работы за границей у меня не было и я ничего не знал об условиях жизни на Западе. К тому же мои знания немецкого, который должен был мне понадобиться в Германии и Польше, где предстояло работать, равнялись нулю.

Однако чем больше я думал об этом предложении, тем более заманчивым оно мне представлялось. И я согласился. После чего сразу приступил к интенсивному изучению немецкого языка – занятия проходили на явочной квартире пять раз в неделю. Опытные инструкторы обучали меня также приёмам рукопашного боя и владению оружием».

Павел Анатольевич Судоплатов – личность достаточно известная, и всё же необходимо хоть немного рассказать о начале его пути в разведке.

Он родился 7 июля 1907 года в Мелитополе (по отцу – украинец, по матери – русский).

Окончил двухклассное училище и два курса факультета советского права МГУ в 1933 году.

Участник Гражданской войны, с 1921 г. работает в оперативном отделе дивизии и в Волынском губернском отделе ГПУ в Житомире.

С 1923 г. на комсомольской работе в Мелитополе, а с 1925 г. – в органах ГПУ Украины.

С августа 1928 года – уполномоченный секретно-политического отдела Харьковского губотдела, затем – уполномоченный Инфо ГПУ УССР в Харькове.

С февраля 1932 года – старший инспектор отдела кадров ОГПУ в Москве (центральный аппарат ОГПУ). Первоначально курировал Иностраннный отдел, а затем и работал в этом отделе.

«После восьми месяцев обучения, – напишет Судоплатов в своих мемуарах, – я был готов отправиться в свою первую зарубежную командировку в сопровождении Лебеда, «главного представителя» ОУН на Украине, а в действительности нашего тайного агента на протяжении многих лет. Лебедь с 1915-го по 1918 год просидел вместе с Коновальцем в лагере для военнопленных под Царицыном. В Гражданскую войну он стал заместителем Коновальца и командовал пехотной дивизией, сражавшейся против частей Красной Армии на Украине. После отступления Коновальца в Польшу в 1920 году Лебедь был направлен им на Украину для организации подпольной сети ОУН. Но там его арестовали. Выбор перед ним был простой: или работать на нас, или умереть.

Лебедь стал для нас ключевой фигурой в борьбе с бандитизмом на Украине в 20-х годах. Его репутация в националистических кругах за рубежом оставалась по-прежнему высокой: Коновалец рассматривал своего представителя как человека, способного провести подготовительную работу для захвата власти ОУН в Киеве в случае войны. От Лебеда, которому мы разрешали выезжать на Запад в 20-х и 30-х годах по нелегальным каналам, нам и стало известно, что Коновалец лелеял планы захвата Украины в будущей войне. В Берлине Лебедь встречался с полковником Александером, предшественником адмирала Вильгельма Канариса на посту руководителя германской разведслужбы в начале 30-х годов, и узнал от него, что Коновалец дважды виделся с Гитлером, который предложил, чтобы несколько сторонников Коновальца прошли курс обучения в нацистской партийной школе в Лейпциге».

Впервые за границу В. Лебедь-Хомяк (1899 г.р.) попал в начале 1933 года. Якобы спасаясь от арестов, он по хорошо сфабрикованным документам устроился на корабль. В Бельгии остался и восстановил связь с Коновальцем.

Именно от В. Лебеда была получена информация о командировке в США пятерых боевиков во главе с Мишугой для теракта против наркома иностранных дел СССР М. Литвина в 1933 году. Террористы были арестованы.

В 1935 году Судоплатов выехал за границу как «племянник» Лебеда и его помощник в работе. В Хельсинки Лебедь передал его на попечение главного представителя ОУН в Финляндии Полуведько (агент ИНО ОПТУ), который, не зная об истинной роли Судоплатова,

вообще предложил последнего убрать. Но решение таких вопросов не входило в его компетенцию.

Судоплатов вспоминал: «После двух месяцев ожидания в Хельсинки прибыли связные от Коновальца – Грибовский (Канцлер) из Праги и Андриевский из Брюсселя. Мы отправились в Стокгольм пароходом.

При посадке мне вручили фальшивый литовский паспорт...

В июне 1936 года прибыли в Берлин, и там я встретился с Коновальцем, который расспрашивал меня обо всём с большим пристрастием. Наша встреча проходила на квартире, находившейся в здании Музея этнографии и предоставленной ему германской разведслужбой. В сентябре меня послали на три месяца в нацистскую школу в Лейпциге. Во время учёбы я имел возможность познакомиться с оуновским руководством. Слушателей школы, естественно, интересовала моя личность. Однако никаких проблем с моей «легендой» не возникало.

Мои беседы с Коновальцем становились между тем всё серьёзнее. В его планы входила подготовка административных органов для ряда областей Украины, которые предполагалось освободить в ближайшем будущем, причём украинские националисты должны были выступить в союзе с немцами. Я узнал, что в их распоряжении уже имеются две бригады, в общей сложности около двух тысяч человек, которые предполагалось использовать в качестве полицейских сил в Галиции... и в Германии.

Оуновцы всячески пытались вовлечь меня в борьбу за власть, которая шла между двумя их главными группировками: «стариков» и «молодёжи». Первых представляли Коновалец и его заместитель Мельник, а «молодёжь» возглавляли Бандера и Костарев. Моей главной задачей было убедить их в том, что террористическая деятельность на Украине не имеет никаких шансов на успех, что власти немедленно разгромят небольшие очаги сопротивления. Я настаивал на том, что надо держать наши силы и подпольную сеть в резерве, пока не начнётся война между Германией и Советским Союзом, а в этом случае немедленно их использовать.

Особенно тревожили террористические связи этой организации, в частности; договорённость с хорватскими националистами и участие в убийстве югославского короля Александра и министра иностранных дел Франции Луи Барту. Для меня было открытием, что все эти террористы финансируются абвером – разведывательной и контрразведывательной службой вермахта. Полной неожиданностью явилась для меня и новость, что убийство польского министра генерала Перацкого в 1934 году украинским террористом Мацейко было проведено вопреки приказу Коновальца и стоял за этим Бандера, соперничавший с последним за власть. Бандера стремился к контролю над организацией, играя на естественной неприязни украинцев к Перацкому, который нёс ответственность за репрессии против украинского меньшинства в Польше. Коновалец рассказал мне, что к этому времени между Польшей и Германией был подписан договор о дружбе, так что немцев никоим образом не устраивали любые враждебные акции по отношению к полякам. Они были так взбешены, что выдали Бандеру, скрывавшегося в Германии».

В доверие к Коновальцу Павел Анатольевич сумел войти, передав ему однажды содержимое одного конфиденциального разговора.

«Как-то Костарев и ещё несколько молодых украинских националистов, слушателей нацистской партийной школы, стали говорить, что Коновалец слишком стар, чтобы руководить организацией, и его следует использовать лишь в качестве декоративной фигуры. Когда они спросили моё мнение, я возмущённо ответил:

– Да кто вы такие, чтобы предлагать подобное? Наша организация не только полностью доверяет Коновальцу, но и регулярно получает от него поддержку, а о вас до моего приезда сюда мы вообще ничего не слышали.

Когда я рассказал об этом Коновальцу, лицо его побледнело. Позже Костарев был уничтожен. Не думаю, что это случайное совпадение».

Удивительно, но Судоплатов каким-то образом сумел обаять лидера ОУН. Кто знает, сыграли в этом роль его подготовка в Москве или какие другие качества, но всё-таки это произошло. Коновалец привязался к нему и взял под свою опеку. Он очень часто брал Судоплатова погулять по городу. Один раз даже сводил Павла Анатольевича на спектакль в Берлинскую оперу.

Особое расположение Коновальца подтверждает предложение к Судоплатову сопроводить его в инспекционной поездке в Париж и в Вену.

А вскоре пришло распоряжение «дяди» Лебеда о возвращении на Украину, где Судоплатова должны были оформить на советское судно, регулярно заходившее в иностранные порты. Предполагалось, что это давало бы возможность поддерживать постоянную связь между подпольем ОУН на Украине и националистическими организациями за рубежом. Коновалец, как и следовало предполагать, одобрил эту идею.

В течение всего 1937-го и части 1938 года Судоплатов неоднократно выезжал нелегальным курьером на Запад под крышей радиста грузового судна. Тогда же он встречался и с Коновальцем.

А потом он получил приказ: ликвидировать Коновальца. Для этого было разработано несколько вариантов операции.

«Первый из них предполагал, что я застрелю Коновальца в упор. Правда, его всегда сопровождал помощник Барановский, кодовая кличка которого – Пан инженер.

Найти момент, когда я останусь с Коновальцем один на один, почти не представлялось возможным.

Второй вариант заключается в том, чтобы передать ему «ценный подарок» с вмонтированным взрывным устройством. Этот вариант казался наиболее приемлемым: если часовой механизм сработает как положено, я успею уйти.

Сотрудник отдела оперативно-технических средств Тимашков получил задание изготовить взрывное устройство, внешне выглядевшее, как коробка шоколадных конфет, расписанная в традиционном украинском стиле. Вся проблема заключалась в том, что мне предстояло незаметно нажать на переключатель, чтобы запустить часовой механизм. Мне этот вариант не слишком нравился, так как яркая коробка сразу привлекла бы внимание Коновальца. Кроме того, он мог передать эту коробку постоянно сопровождавшему его Барановскому.

Используя своё прикрытие – я был зачислен радистом на грузовое судно «Шилка», – я встречался с Коновальцем в Антверпене, Роттердаме и Гавре, куда он приезжал по фальшивому литовскому паспорту на имя господина Новака. Литовские власти в 30-е годы регулярно снабжали функционеров ОУН фальшивыми загранпаспортами.

Игра, продолжавшаяся более двух лет, вот-вот должна одна завершиться. Шла весна 1938 года, и война казалась неизбежной. Мы знали: во время войны Коновалец возглавит ОУН и будет на стороне Германии».

И действительно, Коновалец был опаснейшим противником. И не только для СССР. Учитывая польскую кровь по матери, с трудом можно понять Коновальца как последовательного борца за освобождение украинских земель из-под власти Польши.

И тем не менее именно Коновалец инициировал начало объединения в среде разрозненных украинских националистических организаций, завершив этот процесс в 1929 году. Благодаря Коновальцу ОУН превращается в новый фактор украинской националистической политики.

Вот его слова, сказанные в одном из споров с политиками из среды демократов относительно будущего устройства Украины: «Вы идите на Киев через Париж и Лондон, а мы, националисты, будем идти через Берлин и Токио. Главное – идти на Киев».

Однако, как пишет кандидат исторических наук К. Бондаренко, «в руководящих структурах ОУН во времена Коновальца работали двое русских (Костарев и Кожевников), двое поляков, один еврей и один полуавстриец-полусловенец. Настоящий националистический интернационал!»

Естественно, у Коновальца были и серьёзные промахи, и банальные злоупотребления, замеченные прежде всего самими немцами.

«Их особенно раздражала поставляемая «украинской агентурой» дезинформация о положении в СССР, в которой хвастливо преувеличивались заслуги ОУН «в деле подрыва СССР изнутри, – считает А. Войцеховский. – По-иному стал смотреться и сам Коновалец, проваливший агентурную работу в Польше и Швейцарии и выдворенный из этих стран за террористическую деятельность. Ответственный чиновник НСДАП Шикеданц докладывал руководству нацистской партии: «Коновалец не произвёл на меня впечатления вождя народа и даже в какой-то мере значительной личности. На мой взгляд, его можно отнести к категории людей посредственных способностей». Всё более скептическое отношение к нему сменялось открытым игнорированием. Берлинская «Фольксцайтунг» без всяких обиняков называла «вождём украинцев», верным последователем Гитлера Рико Ярого. Имя Коновальца даже не упоминалось...»

Но вред, который приносила его деятельность Советскому Союзу, был однозначно велик. Под руководством Коновальца ОУН готовила своих боевиков к вооружённому вторжению на Украину вместе с германскими войсками. Не исключалась и японская армия.

В 1938 году он имел намерение нелегально прибыть в Украину с целью поддержки остатков националистического подполья.

А в это время в Москве было изготовлено взрывное устройство в виде коробки конфет. Как вспомнит сам Судоплатов, «часовой механизм не надо было приводить в действие особым переключателем. Взрыв должен был произойти ровно через полчаса после изменения положения коробки из вертикального в горизонтальное. Мне надлежало держать коробку в первом положении в большом внутреннем кармане своего пиджака. Предполагалось, что я передам этот «подарок» Коновальцу и покину помещение до того, как мина работает.

Шпигельглас сопровождал меня в кабинет Ежова, который лично захотел принять меня перед отъездом. Когда мы вышли от него, Шпигельглас сказал:

– Тебе надлежит в случае провала операции и угрозы захвата противником действовать как настоящему мужчине, чтобы ни при каких условиях не попасть в руки полиции.

Фактически это был приказ умереть. Имелось в виду, что я должен буду воспользоваться пистолетом вальтер, который он мне дал.

Шпигельглас провёл со мной более восьми часов, обсуждая различные варианты моего ухода с места акции. Он снабдил меня сезонным железнодорожным билетом, действительным на два месяца на всей территории Западной Европы, а также вручил фальшивый чехословацкий паспорт и три тысячи американских долларов, что по тем временам было большими деньгами. По его совету я должен был обязательно изменить свою внешность после «ухода»: купить шляпу, плащ в ближайшем магазине».

Примерно «с 1933 года Коновалец особенно страдал от болезни почек. Иногда болезнь становилась невыносимой – и ему приходилось отходить от дел, заниматься лечением. У него оставалось мало времени для семьи, однако он очень любил свою жену Ольгу и сына Юрия и всячески старался компенсировать своё отсутствие дома. Особенно он баловал сына, посылая ему конфеты и шоколад. После нескольких покушений на Коновальца было решено

отправить его семью в Рим, где она находилась бы в безопасности. Сам Коновалец продолжал странствовать: Берлин, Прага, Берн, Роттердам» (К. Бондаренко).

Во время своих визитов к Коновальцу Судоплатов постоянно привозил вождю ОУН в коробках из-под обуви и печенья крупные суммы денег, сигареты, а кроме того, шоколад для его любимого маленького сына Юры. Словом, Судоплатов не просто пришёлся Коновальцу по душе, но и приручил его «своими подарками».

Настал черёд и самого последнего!

23 мая 1938 года в Роттердаме погода была тёплой и солнечной. Пролил дождь. На часах без десяти двенадцать. Коновалец уже ждал за столиком у окна ресторана «Атланта». Судоплатов вошёл туда и подсел за столик. Говорили недолго и условились снова встретиться в центре города в 17.00. Только теперь Павел Анатольевич бережно положил ту самую коробку шоколадных конфет на столик рядом с ним, сказав, что срочно необходимо вернуться на судно.

«Мы пожали друг другу руки, и я вышел, сдерживая своё инстинктивное желание тут же броситься бежать, – расскажет спустя десятилетия ПА. Судоплатов. – Помню, как, выйдя из ресторана, свернул направо на боковую улочку, по обе стороны которой располагались многочисленные магазины. В первом же из них, торговавшем мужской одеждой, я купил шляпу и светлый плащ. Выходя из магазина, я услышал звук, напоминавший хлопок лопнувшей шины. Люди вокруг меня побежали в сторону ресторана. Я поспешил на вокзал, сел на первый же поезд, отправлявшийся в Париж, где утром в метро меня должен был встретить человек, лично мне знакомый. Чтобы меня не запомнила поездная бригада, я сошёл на остановке в часе езды от Роттердама. Там, возле бельгийской границы, я заказал обед в местном ресторане, но был не в состоянии притронуться к еде из-за страшной головной боли...

Всё прошло без сучка и задоринки».

Позже в газетах выдвигались три версии: Коновальца убили большевики, Коновальца убила соперничающая группировка украинцев, Коновальца убрали поляки.

Но, как бы то ни было, гибель Коновальца вызвала первый и серьёзнейший раскол в ОУН, имеющий соответствующие последствия. Потом было много смертей как соратников, так и боевиков.

Глава 5

Беспощадная война за власть

Степан Бандера отсидел в польских тюрьмах около пяти лет. Среди них была даже Брестская крепость. В одиночной камере, несмотря на строгие условия содержания, он трижды организовывал голодовки на 9, 13 и 16 дней. Если верить словам, которые цитируют сегодня, то был он человеком то ли отчаянным, то ли фанатично преданным идее, потому как на суде скажет: «Вам лучше всего известно, что я знаю, что погибну, и известно вам, что мне давали возможность свою жизнь спасти. Живя год с уверенностью, что я потеряю жизнь, я знаю, что переживает человек, у которого есть перспектива в ближайшее время жизнь потерять. Но на протяжении всего времени я не переживал того, что переживал тогда, когда посылал двух членов на верную смерть: Лемика и того, кто убил Перацкого...» (С. Липовецкий).

Имеется в виду Львовский процесс (1936 г.), где он получил второй пожизненный приговор. На Варшавском (1935 г.) судебном процессе был осуждён к смертной казни, которая заменена на пожизненное заключение.

Летом 1938-го ОУН планировало выкрасть С. Бандеру из тюрьмы во Вронках. Но, когда подготовительный процесс уже практически был завершён, операцию вдруг вынуждены были прекратить. А некоторые организаторы были арестованы.

Итак, 1939 год. Началась Вторая мировая война. В Польшу сначала вошёл германский вермахт, а через некоторое время и Красная Армия. Только теперь начинало сбываться то, о чём мечтали оуновцы. «Мы хотим не только обладать украинскими городами, но и топтать вражеские земли, захватывать вражеские столицы, а на их развалинах отдавать салют Украинской империи... Хотим выиграть войну – великую и жестокую. Которая сделает нас хозяевами Восточной Европы», – говорилось в работе одного из главных теоретиков ОУН Н. Колодзинского в «Украинской военной доктрине».

Естественно, ещё при немцах двери тюрем распахнулись для их арестантов.

По одной из версий, Бандера вышел из заключения сам, по другой – его освободили немцы. С этих самых пор он больше не посещал территории Украины (утверждал Л. Ребет). Если не считать кратковременного пребывания там сразу же после освобождения. То есть когда он в конце сентября подпольно прибыл во Львов (пешком дошёл до города), где на протяжении около двух недель занимался разработкой стратегии будущей борьбы. По крайней мере так утверждают его биографы.

«Главное – создание густой сети ОУН по всей Украине, налаживание её широко-масштабной деятельности. Продумывался план действий на случай массовых репрессий и депортаций советскими оккупантами населения Западной Украины», – пишет И. Набытович.

Другой автор, С. Шумов уточняет: «Он пешком дошёл до Львова, который уже заняла Советская Армия. Во Львове он конспиративно пробыл около двух недель и понял, что пока тут работать нельзя. Частные магазины Львова были закрыты, государственные – пусты, запрещены все политические партии, общественные и культурные организации, прекращён выпуск всей прессы, выходившей в Польше. Людей убивали только за принадлежность к ОУН, невзирая на возраст.

В октябре 1939 года С.А. Бандера нелегально переходит немецко-советскую демаркационную линию и приезжает в Краков, оккупированный немцами.

Официальным краевым проводником ОУН на Западной Украине тогда был В. Тымчий-Лопачинский, полностью признававший авторитет С.А. Бандеры и его взгляды. Тогда же С.А. Бандера женился на Ярославе Опаривской».

В санатории Пещаны в Словакии Бандера немного отдыхает, лечится (в тюрьме обострились болезни суставов) и осматривается. А думать было над чем.

Дело в том, что после смерти Коновальца сразу же возник вопрос о преемнике на посту руководителя ОУН. Инициатором внутриорганизационного заговора, в который были посвящены Сенек и Сциборский, выступил Ярослав Барановский (1906–1943) – боевик, с 1924 г. – член ОУН, с 1933 г. – секретарь Провода украинских националистов.

Как пишет К. Бондаренко, «их главной целью было недопущение к власти в ОУН Рико Ярого – ближайшего соратника Коновальца, отвечавшего за связи ОУН с абвером. Так возникла легенда о том, что Коновалец оставил устное завещание: своим преемником он хотел бы видеть полковника Андрея Мельника, жившего в ту пору во Львове и не принимавшего участия в националистической работе. Не так давно появились данные о том, что Мельника в качестве Вождя ОУН был заинтересован увидеть и митрополит Андрей Шептицкий, у которого Мельник тогда работал и с которым поддерживал отношения Ярослав Барановский.

Мельник выехал в Вену и в Рим и вскоре был провозглашён новым Вождём. На состоявшемся вскоре 2-м Великом собрании украинских националистов Ярый не вошёл в состав руководящих органов. Ярый пообещал: «Будет война!» И война началась».

Именно по распоряжению Андрея Мельника был арендован санаторий в словацком городке Пещаны, где наиболее известные боевики поправляли своё пошатнувшееся здоровье за счёт Организации. По воле случая Рико Ярый был распорядителем быта отдыхающих. Здесь то он и познакомился с Бандерой. Общий язык они нашли быстро.

«Можно было бы в какой-то степени согласиться с мнением тех историков, которые считают, что одной из причин раскола стала борьба молодых «волков», вышедших из польских тюрем на волю, со старыми, сидевшими в эмиграции, – говорит профессор А. Чайковский. – Мельник относился к старой генерации, Бандера и Шухевич – к новой. В своё время юный Шухевич, например, вошёл в ОУН под влиянием уже взрослого Коновальца, который снимал квартиру в доме бабки Шухевича. Спустя полтора десятка лет настало время пересмотра иерархии...»

Впрочем, версии «конфликта волков и волчат» противоречит тот факт, что Бандеру поддержал Рико Ярый, приближённый Коновальца со времён петлюровщины. Он значился Консулом-2, а Мельник – Консулом-1, то есть для абвера они были почти равнозначны.

Несмотря на преданность Мельника, дальновидные немцы хотели создать ему противовес и конкуренцию. С этой целью они «прикормили» Бандеру. Вот что рассказал Эрвин Штольце, начальник самого секретного подразделения Абвер-2: «После разгрома и захвата Польши Германия усиленно готовилась к войне против Советского Союза, поэтому абвер через Мельника принимал меры для активизации подрывной деятельности в советском тылу. В этих целях был завербован Степан Бандера, один из главарей ОУН, освобождённый нами из польской тюрьмы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.